

АЛЕКСАНДР РОМАНОВСКИЙ

МОНОЛИТЫ ГОТИКИ

Леонард Краулер

Александр Романовский
Монолиты готики

«Романовский Александр Георгиевич»

2009

Романовский А. Г.

Монолиты готики / А. Г. Романовский — «Романовский Александр Георгиевич», 2009 — (Леонард Краулер)

ISBN 978-5-9942-0390-3

«...Создавалось впечатление, что каменные своды не являлись делом чьих-либо рук – человеческих или чьих-нибудь еще. Будто они образовались сами по себе, со времен первых сдвигов на морщинистом лице старушки-Земли. Геологические слои, подобно ретивому архитектору, дальновидно созидали феномен, преследуя скрытые, неподвластные сиюминутному разуму цели...»

ISBN 978-5-9942-0390-3

© Романовский А. Г., 2009
© Романовский Александр
Георгиевич, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	47
-----------------------------------	----

Александр Романовский

Монолиты готики

Место было старым.

Не банально старым, как чердаки и подвалы ветхих домов, а **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** старым. Настолько старым, что определение «древность» казалось чем-то свежим, модным и современным, сродни «гламуру» или «евгенике».

Здесь не было сыро или пыльно, отнюдь. Ни одной паутинки под угрюмыми сводами. Пыли и сырости просто неоткуда было взяться, а пауки выжили бы в том единственном случае, если бы навострились переваривать суровую каменную кладку. Стерильная чистота, произвести которую могли лишь многие и многие века, наслаивавшиеся один на другой в огромный канцерогенный пирог, беспощадный ко всему живому. Любое существо, попадавшие под эти своды, неизменно чувствовало себя ничтожной песчинкой, лежащей на бескрайнем пляже Вечности. Тогда как **МЕСТО** казалось огромным неподъемным валуном, которому глубоко плевать на штормящие волны столетий – легкие поглаживания для его серых боков.

Создавалось впечатление, что каменные своды не являлись делом чьих-либо рук – человеческих или чьих-нибудь еще. Будто они образовались сами по себе, со времен первых сдвигов на морщинистом лице старушки-Земли. Геологические слои, подобно ретивому архитектору, дальновидно созидали феномен, преследуя скрытые, неподвластные сиюминутному разуму цели.

Очевидно, эти самые своды наблюдали, как некая безымянная рыба, фигурирующая во всех учебниках биологии, выбросилась на берег и отрастила лапы; как динозавры неистово рвали друг друга на части, а затем начали свой долгий путь к тому, чтобы превратиться в нефть и сгореть в двигателе чьей-то колымаги.

Каменные, стерильно-чистые своды снисходительно присматривали за подрастающим человечеством, его первым костром и первым колесом эргономично круглой модели; лицезрели Великого Гхола, объединившего разрозненные Клань; видели Крестовые Походы, крах первой и единственной Империи Вампиров, атомную бомбу, и, собственно, наступление XXI-го столетия.

Вампиры ревностно берегли свои секреты (главным из которых, собственно, был секрет весьма продолжительной жизни, но и он не считался такой уж тайной, какую нельзя променять на пару глотков горячей крови). И не спроста: в этом зале, именуемом Залом Заледеневшей Вечности, хранилась наиважнейшая реликвия Кланов. Сохранность оной составляло предмет неустанных забот. Многим, впрочем, такие предосторожности казались излишними.

Отчасти они были правы. Реликвия представляла для вампиров – и только для вампиров – столь немислимое значение, что никому, кроме самих же вампиров, не могла бы понадобиться. Да и сами Клань, сознавая идеологическую важность реликвии, основательно подзабыли, какую все-таки ценность – с практической стороны – представлял сей предмет. Артефакт чрезвычайно важен, и точка. Для наиболее старых, почтенных вампиров, всю практикующих ортодоксальное мировоззрение, этого более чем достаточно. Главное, чтобы реликвия оставалась на предписанном месте.

Никто не сомневался, что так будет **ВСЕГДА**. Ну кому, в здравом уме, могла понадобиться отвратного вида вещь, на которую предъявляла собственнические претензии орда кровопийц, живущих достаточно долго, чтобы покарать не только похитителя, но и его

потомков – до десятого колена?..¹ Вряд ли кто-то мог ответить на этот вопрос, даже припомнив наиболее одиозных современников.

Личность того, кто пробрался в Зал, не пришла бы на ум даже большим фантазерам.

Титус, висящий под потолком на специальной жердочке, пробудился от тревожного сна. Ему снились кошмары, и он был рад вернуться к реальности. Даже вампиров посещают кошмары, хотя фигурируют в подобных видениях, как правило, не красноглазые клыкастые бестии (если, разумеется, речь не идет о женских особях, и грезах совсем другого порядка), а обычные люди, вооруженные факелами и обрубленными черенками лопат.

Как ни странно, реальность оказалась ощутимо страшнее.

Сегодня выпал черед Титуса нести караул в Зале, но это не огорчало юного вампира. Напротив, он рассчитывал выспаться – ничем другим в Зале заняться было нечем, если сразу же исключить созерцание реликвии, – для чего принял облик летучей мыши и повис под потолком, уютно обернувшись крыльями.

Титус не смог бы сказать, что именно его потревожило. Навряд ли он что-то услышал. Просто понял, что в Зал проник ЧУЖОЙ, словно в голове вампира включилась сигнализация, принцип действия которой не знал и сам Титус.

«Гости пожаловали». Осознание этого вытолкнуло вампира на потревоженную гладь реальности, как пороховые газы толкают пулю по стволу. Титус ничуть не усомнился в постороннем присутствии, равно как и в том, что своими ЧУЖИЕ быть не могли: СВОИ стояли бы внизу и во всю глотку орали «Эй, дурень! Слезай!...».

Ничего такого посетитель себе не позволял. Вообще не издавал ни звука. Однако, вампир не расслаблялся. Тот, кто явился без спроса в Зал Заледеневшей Вечности, не мог быть человеком. Об этом Титусу поведало то самое нечто, что хранило вампиров, как биологический вид, на протяжении тысячелетий: генетическая память, бесценное наследие множества предков.

И все, облепив спирали ДНК, вопили дурными голосами, силясь докричаться.

Но Титус, болван, никогда не мнил себя специалистом в таких абстрактных материях, как Голос Предков или оригами.

Он сделал то, что та же генетическая память – иная ее часть, которой предки безуспешно пытались заткнуть рот – велела ему сделать. А именно: отпустить жердочку, и, расправив крылья, спланировать на пол. Когда ноги коснулись холодных каменных плит, Титус успел принять обычное обличье, не столь уязвимое, как летучая мышь, и более пригодное для потасовки.

В том, что драться придется, вампир не сомневался. Застыл, прислушался, сканируя Зал острейшим слухом. Реликвия на месте, обошлось. Позавтракать удастся даже раньше, чем Титус смел надеяться...

Из-за колонны донесся тихий звук, будто кто-то шаркнул босой ногой. Никто другой, кроме вампира, его бы не услышал. Титус едва сдержал торжествующий возглас. Клыки удлинились до «рабочих» размеров. Вампир был столь возбужден мыслями о предстоящей трапезе, что попытка остановиться и поразмыслить была подобна утопающему, засасываемому водоворотом.

Он не ел/пил целые сутки! А голод, как известно, не тетка, и способен скомпрометировать любые, самые веские и разумные доводы (как, скажем, фотографии определенного свойства, хотя и низкого художественного уровня, способны уничтожить самую честную, благопристойную репутацию).

Состроив наиболее гнусную и страшную рожу, на какую был способен, Титус выскочил из-за колонны. Он рассчитывал обескуражить противника внезапным появлением, и,

¹ Сказать, что вампиры злопамятны, равносильно утверждению того, что ротвейлеры – не карманные собачки.

тем самым, застать врасплох. Но все вышло не совсем так, как планировалось. Обескураженным оказался сам вампир.

Увидев, КТО притаился за колонной, Титус растерял воинственный энтузиазм: задрожал, ощерился – на сей раз оскал демонстрировал не угрозу, а ужас, – и предпринял маневр, именуемый «тактическим, но поспешным отступлением».

Не тут-то было.

Последним, что узрел страж, был стремительный силуэт, сотканный, казалось, из абсолютного мрака. Если бы тьма, имеющая обыкновение собираться в наиболее зловещих уголках всякого дома, могла быть собрана по разрозненным лоскуткам, а затем каким-то неопишуемым образом скопилась вокруг единого центра, она бы выглядела именно так. Вряд ли бы Титус был более ошеломлен, если бы за колонной его поджидал тираннозавр.

Впрочем, мгновения безумного ужаса продлились недолго. Вампир понадеялся трапезничать, в итоге сам сыграл роль аппетитного кушанья. За какие-то секунды все соки были высосаны из его тела, и на полу осталась горстка костей, обернутая тончайшим саваном целехонькой кожи. Нечто подобное плотоядно наблюдают энтомологи, когда подкармливают любимцев-пауков беспомощными мухами и гусеницами. Однако, от зрелища Титуса, выпитого заживо, без какой-либо расслабляющей прелюдии, у самого матерого энтомолога наверняка случилось бы несварение желудка.

Завершив трапезу, гость направился к постаменту, на которой стояла реликвия.

Бессчетные вампирские предки, свесившиеся с жердочек ДНК, хмуро взирали на происходящее.

Первое, что сделал Лео, открыв глаза, это ощупал грудную клетку на предмет инородных предметов.

Корни сей фобии, очевидно, гнездились в далеком детстве, а именно – в рассказах бабушки, укладывавшей внука спать с шутивными (ей так казалось) угрозами. Мол, от осинового кола не застрахован ни один мальчик, отказывающийся пить консервированную кровь.

Лео вырос, но инстинктивные страхи остались. Да, у вампиров тоже есть фобии, психоаналитики – вот уж истинные кровососы, – и даже психиатрические клиники.

Имя Лео звучало солидно и грозно: Леонард Краулер, хотя порой он хотел бы называться Нео. Это единственное, что можно поделаться, не замахиваясь на святое. Не покладая ни рук, ни перепончатых крыльев, валашские предки столетиями покрывали род лакированными слоями чести и славы. В чем весьма преуспели, чего не скажешь о материальном благосостоянии.

Лео, разумеется, гордился своими корнями, но был бы благодарен еще больше, если бы, помимо имени, предки оставили ему подвал, заваленный золотом, награбленным со времен Крестовых Походов, либо захудалую финансовую империю. За такой срок можно было бы заняться чем-нибудь еще, помимо межклановых войн и побитого молью фамильного стяга!..

Леонард предавался таким мыслям лишь в минуты неизбежной тоски, когда мир виделся ему опостылевшим и серым. В остальное же время был полностью доволен своей жизнью. Его уважали, ведь в Клане не так уж много имен, каковые могли похвалиться столь славной историей. Род Краулеров терялся во мгле столетий, и о том, что там, на самом дне, не знал и сам Лео. Черные бездонные шахты всегда внушают трепет (в отличие от соблазна стоять на самом краю). Когда-то фамильное имя горело яркой звездой на небосводе Кланов, но войны и честь обходятся баснословно дорого....

Лео был последним в роду, и все, чем он располагал, находилось на территории скромного земельного участка. Необходимо обзаводиться потомством, но для этой цели требо-

вались барышни с соответствующей родословной. Поглядев же на унылый особняк, оные создания исчезали с шелестом крыльев.

Впрочем, Лео любил поместье. Под этой крышей он чувствовал себя вполне комфортно.

Да, непосредственно под крышей. Вампир зевнул, потянулся, и откинул крышку гроба. Вопреки расхожим предпочтениям, Леонард почивал не в подвале, а на чердаке – окно, забитое досками от солнечных лучей, закрывали бархатные портьеры. Своего рода будуар, размещавшийся на 3-м этаже вместо 1-го. В подвале обжились здоровенные крысы (питавшиеся, не иначе, собственным пометом), и, кроме того, там неизменно царил арктический холод, – даже если на улице июльское пекло. Отапливать столь обширное помещение Краулер считал напрасным расточительством. И потом, не всякий охотник на вампиров отправится сперва на чердак, а уж затем – в подвал. Лео успокаивала такая мысль, хотя последнюю (да-да, она была барышней) из рода Ван Хельсингов укокошили более столетия тому назад.

Вампир осторожно вылез из гроба. «Транквилизатор 2000», последняя модель – мореный дуб, золоченые ручки и кроваво-красный атлас. Рядом стояла прикроватная тумбочка.

Зевая, Краулер набросил черный халат, расшитый китайскими драконами, и направился к выходу. Половицы сопровождали шаги благожелательным скрипом. Вдруг что-то заставило Лео притормозить. Нечто странное, чего вчера здесь не было.

У порога лежал большой белый конверт.

Очевидно, просунули под дверь. Последняя была надежно заперта, но вампира охватила паника. Здесь был чужак! Кто-то проник в дом – посреди белого дня, когда все порядочные существа мирно спят!..

Стоп, – сказал себе Краулер. Бросил взгляд на часы. 22:44 – горели во тьме хищные цифры. За окнами – глухая ночь. Поздновато, – отметил вампир, – для холостяка, у которого дел не впрокорот. Не исключено, что конверт принесли при свете дня. Если так, это был человек. Поскольку нигде не видно факелов или осиновых кольев, приходил прислужник. Соискатель, выполняющий для Клана мелкую работу – за деньги или перспективу долгой жизни.

Подняв конверт, Лео сразу же убедился в верности своих рассуждений: на другой стороне красовался логотип Клана. Череп с непропорционально длинными – даже для вампира – клыками, окруженный пентаграммой. Братья из Клана Гирудо прислали повестку. Наверное, приглашение на вечеринку или встречу выпускников Чего-то Там. Улыбнувшись, Краулер сунул конверт в карман, и, отодвинув четыре задвижки, толкнул дверь.

Длинная узкая лестница утопала во мраке. Как и все вампиры, Леонард отменно видел в темноте, а за перила держался сугубо для поддержания равновесия. Продолжая зевать (да, накануне засиделся – подвернулась занятная книженция), Краулер спустился на второй этаж, в апартаменты, – комнаты с довлеющим над декором запустением. Лео использовал всего несколько, в прочие не заглядывал годами. Зачем?.. Пространства ему требовалось совсем немного, благо, вокруг не суетились супруга, кухарки/экономки/садовники и назойливая детвора, у которой режутся клыки. Вампир был одинок, и излишки свободных кубометров вгоняли его в депрессию.

Признаков чужого присутствия заметно не было – если не считать следов, оставленных крысами в крошечке извести, но эти твари не считали себя чужаками. Прислужник не совал нос, куда не следует, и поспешно удалился. Его можно понять: не всякий домовладелец станет выяснять, в чем суть да дело, прежде чем высосать всю кровь до капли. Леонард не стал бы.

Ближайшая ванная, более-менее пригодная для эксплуатации, примыкала к одной из комнат. Помещения принято считать опочивальнями при том неременном условии, что там наличествует ложе (или хотя бы диванчик). Вампиры безразличны к подобным условностям:

последний в роду Краулеров спал на чердаке, спальню же использовал в качестве гардеробной. Огромные шкафы доставляли Лео не только прагматичный экстаз собственника, но и эстетическое наслаждение. Фунты кичливого шмотья в антикварной оболочке красного дерева... Кровососы помешаны на тряпках.

Лео прошел в ванную, и, опершись о раковину, взгляделся в зеркало. Неправда, что кровососущие члены общества не отражаются в зеркальных поверхностях. Очень даже – ничуть не хуже обычных людей. Вампиры с охотой практикуют нарциссизм и самолюбование, причем способны предаваться этому часами.² Строго говоря, представлялось бы весьма непростым делом держать марку, когда проблеме составляло даже ежевечернее бритье.

Краулер поскреб щетину. Взгляделся в красные глаза, тряхнул гривой белоснежных волос.

Он не использовал химию, – Лео был необычным вампиром. Альбиносом. Его организм отрицал пигментацию. Внешность, конечно, эффектная, но привлекала немногих. Большинство сторонились. Как люди, так и собратья по Клану. Появившись на свет, крошечный Краулер вызвал множественные пересуды. Мол, «долго не протянет», и «не к добру». У вампиров альбиносы рождались чрезвычайно редко, и как будто бы приносили одни беды.

Как бы там ни было, отсутствие пигментации не компенсировалось чем-либо экстраординарным. Ни умением поднимать мертвецов из могил, ни невосприимчивостью к солнечному свету. Затруднения в общении, конечно, то и дело возникали, но Лео свyksя, – «перестал волноваться и понемногу начал жить».

Старался. Вот уж сотню лет.

Завершив процедуры, Краулер отправился на кухню – помещение огромных масштабов, выложенное черно-белой плиткой и уставленное массой утвари, в поверхностях которой отражалась любая, мало-мальски эффектная внешность.

В холодильнике стоял початый бутыль с фирменной этикеткой – сексапильная вампирша тянет через соломинку содержимое изящного бокала.

Леонард непринужденно приложился к горлышку.

Неряшливый слоган гласил: «Не чувствуйте разницы!». Человек, возможно, не почувствовал бы. Либо ОБРАЩЕННЫЙ третьего дня. Альбинос же, употреблявший кровь всю свою жизнь, все-таки чувствовал. Ему было ничуть не зазорно пробавляться телячьей кровью взамен человеческой – живой, высосанной из раны. Краулер привык питаться неспешно и обстоятельно, к чему, само собой, не располагали трепыхания и крики. Нет резона менять тишину и уют на суматоху улиц – единственно ради того, чтобы утолить Жажду.

Оторвавшись от бутылки, Леонард сунул руку в карман.

Ах да, конверт... Соплеменники не стали бы утруждаться такими формальностями: телефонировали бы, или, на худой конец, набрали SMS. Гербовое послание наверняка подразумевало нечто архиважное. «Неужто сосватали?..»

Вампир отставил бутыль и принялся распечатывать письмо. Руки дрожали.

Внутри обнаружилась карточка жесткого мелованного картона. Надпись – витиеватый New Gothic – лаконично информировала: «Нынче, полночь, Цитадель. Огастус».

Не приглашение, констатация фактов.

Альбинос щелкнул челюстями, едва не прокусив язык. Сообщение произвело эффект террористического акта. Нечто подобное почувствовал бы мелкий клерк, получив приглашение явиться пред очи августейшего Величества.

Едва оправившись от взрыва, несколько мгновений разум Краулера судорожно метался по закоулкам памяти: не напортачил ли чего-нибудь ЭДАКОГО, что повлекло бы гнев самого

² Слух о зеркалах пустили они сами – с тем чтобы снять часть подозрений, и, главным образом, ради различного рода заведений, оборудованных массой зеркал: спортзалы, рестораны, ночные клубы, стрип-бары...

Магистра?.. Леонард вообще нечасто вызывал чей-либо гнев. Тогда что стряслось?.. Сонливость как рукой сняло.

С чего это Великий Магистр заинтересовался его персоной? Подбирает кандидатуры?.. Альбинос никогда не рискнул бы предположить, что Магистр прочит его на высокое место, но на мгновение узрел себя в роскошной мантии, отдающим распоряжения... согбенным ткачом интриг и заговоров... разгребаящим тонны бумаг... объектом беспрестанных покушений...

Нет, ерунда.

Вампир рассеянно ощупывал картон. Цитадель. Нынче. Полночь. То есть – 0 часов, 0 минут.

«Сколько же...»

23:11.

В спешке альбинос чудом не растянулся на полу. Трудно прогнозировать его судьбу, если... Нет-нет, исключено. Огастус терпеть не мог необязательных существ. Последний кретин, имевший дерзость и глупость проявить нерасторопность, отделался переломанными ногами – сравнительно легко.

Краулер ворвался в гардеробную ураганом, без промедления атаковавшим ни в чем не повинные шкафы. Шмотье летело во все стороны. Перед вампирами всегда стоит непростой выбор. Черное, или все-таки черное?..

Лео открывал дверцу за дверцей, словно в надежде обнаружить спасительные надписи «Одень МЕНЯ». Выбор вгонял разум в неуместный ступор. Кляня модельеров, дизайнеров, портных – всех скопом, – альбинос метался по спальне. Нужно оказать на Магистра подобное впечатление...

Следует отметить, что вампиры помешаны также на стиле. Некоторые люди полагают, что трудно найти более элегантных существ, нежели дети ночи (вампиры идут сразу за единорогами, но конкуренция с выдуманными существами имеет место сугубо абстрактно). Эротизм составлял их природу: фатальный, роковой поцелуй, похищающий жизнь и жизнь же продлевающий. И потом – тонкий, мрачноватый, но безусловно высокохудожественный вкус во всякой материальной ерунде, от моды до архитектуры.

Наконец Краулер опомнился. Цитадель – не клуб и не бордель, а Магистр славился пуританскими воззрениями и железобетонными принципами, придерживаться каковых, по его мнению, следовало бы всем членам тайного сообщества.

В самый раз будет Армани, сорочка классического кроя, запонки с черепами и остроносые туфли. Взявшуюся невесть откуда идею галстука Лео отверг. Натяни он эту удавку, и тем самым покажет, что отнесся к визиту чрезвычайно серьезно, тогда как повод мог оказаться совсем ерундовым...

Но вряд ли.

Процесс одевания занял неслыханно малое время – около пары минут, тогда как обычно альбинос тратил на ту же процедуру не менее четверти часа. Вероятно, этот результат запросто побил бы ротный рекорд какого-нибудь vampire death squad, ежели таковой существовал бы в действительности.³

Краулер помчался по лестнице, рискуя бесславно свернуть себе шею. Гараж примыкал к особняку, и, уже в гараже, перед Лео встала очередная проблема. Он являлся счастливым обладателем сразу двух транспортных средств; оба любил по-разному, но одинаково сильно.

³ Вампиры негативно относились к тому, чтобы состоять в регулярных формированиях – как и к иным попыткам навязывания им чьего-либо командования. Попытка построения перешла бы в выяснение того, чей род именитее, и кто отдалил ногу чьему-то прадеду в 1475 году. В случае надобности Клан просто созывал войско... По крайней мере, пытался.

«Opel calibra» и «Yamaha». Цвет автомобиля и мотоцикла неизменно соответствовал тому, что бы вампир ни надел – лоснящиеся, летящие в ночи сгустки однородного мрака.

При других обстоятельствах альбинос оседлал бы стального коня... Однако, прибыть к Магистру на МОТОЦИКЛЕ... О нем бы начали судачить. И потом, «Yamaha» создавала массу проблем: чтобы не растрепать волосы, придется надевать шлем, оставляя же оный на мотоцикле неосмотрительно, значит, придется тащить с собой, в Цитадель... Краулер представил, как гордо несет шлем, точно средневековый рыцарь, на локтевом сгибе...

Таким образом, «Опель». Усевшись за руль, Леонард испытал ни с чем не сравнимое чувство – гордость за верно сделанный выбор. Ему нравилась эта машина, ночь за ночью доказывавшая надежность и незаурядный стиль. В денежном эквиваленте, конечно, дорого-вато, – пришлось толкнуть антикварам кое-какое барахло, но родовитым барышнями, разъезжающим в неприлично длинных лимузинах, по-прежнему было на него плевать.

Ворота гаража с готовностью открылись по команде дистанционного пульта. Альбинос вырулил на асфальтовую дорожку, развернулся – туша поместья высилась в ночи черным монолитом, – и, миновав тесный дворик, подъехал к воротам. Гараж послушно себя запер, но ворота, напоминающие паутину пауков-мутантов, подсевших на амфетамины и творчество Дали, открылись наполовину. Краулер вышел, открыл ворота, свернул на проезжую часть, после чего все-таки потратил бесценные секунды на то, чтобы закрыть створки.

Визг покрывок вспорол беззащитную ночь.

Мимо проносились дорогие старинные особняки. Владельцами являлись как вампиры, так и обычные люди. Последние благоразумно старались не совать нос в чужие дела и не пыхтеть над загадками наподобие «Дорогая, мы живем здесь двадцать лет, а тот юноша выглядит так же, как и тогда, когда мы только переехали... Любопытно, что за пилюли он принимает?..».

Заговор молчания висел над улицей незримым саваном, что, однако, не мешало НОВЫМ соседям являться с пирогами и назойливыми просьбами одолжить «грамм соли». Леонард недовольно бубнил: «Вы бы еще святой воды попросили...».

Проживать в столь респектабельном районе, строго говоря, альбинос себе позволить не мог, если бы участок не принадлежал его роду с момента основания города.

Промелькнул запущенный парк, и, соответствуя выражению «дерьмо случается», начались окраины. Невысокие постройки времен Депрессии, послужившие оной архитектурным монументом. Серые здания, казалось, впитали меланхолию в сам фундамент. Собственно, угроза получить травму кирпичом, отвалившимся от фасада, имела прямое отношение к тому малоприятному чувству.

Старые районы окружали фешенебельный Сити, с его сверкающими небоскребами и неистовой жизнью, подобно тому, как перегной обрамляет розовый куст. Трущобы на последнем издыхании исторгли красоты бизнес-центра. Город являлся контрастом самому себе. В него падали, как в бездну, и никто не поджидал внизу с натянутым брезентом. Больше, на что можно рассчитывать, это – «Ой, как кстати! А мы как раз собирались обедать!...».

На дне обитали паразиты, пьющие кровь отнюдь не в переносном смысле, как юристы и банкиры. Охота продолжалась ночь за ночью. Краулер видел на улицах сотни самоходных емкостей с живительной кровью. Охота велась из «Джипа», припаркованного у перекрестка (якобы узнать у девушек расценки), у круглосуточной ресторации, у мусорных контейнеров...

Дети ночи выползали на улицы.

Манящее тепло, пульсирующее в такт сердечному пульсу, исходило от обычных людей, и в оном мареве плыли силуэты, вырубленные, казалось, из серого льда.

Впрочем, вампиры считали себя не просто паразитами. Нет, они гордо именовались «санитарами улиц». Грязных улиц мегаполиса. Если эволюции угодно, чтобы появился био-

логический вид, существующий за счет других, значит, это событие числилось в ее расчетах и сметах. «Палеолит... 3) – кровососы». Сторонники данной теории утверждали, будто бы человеческий социум столь же нуждается в вампирах, сколь вампиры – в социуме.

Такую точку зрения упорно отторгали любители врываться в поместья с кольями и топорами. Альбинос же старался смотреть на мир сквозь бесхитростно раздвинутые пальцы: вампиры, ЖАЖДА, и простой способ ее утоления.

Вместе с тем, Клань были далеки от того, чтобы превратить город в фермерское предприятие. За людьми – колоссальный численный перевес (согласно эволюционной доктрине, это было важнейшим условием), к тому же они не подозревали о существовании иного, паразитирующего биологического вида. Во всяком случае, те из них, кого нельзя беспричинно обвинить в помешательстве.

Вампиры не спешили с саморекламой. Глупец, подвергший опасности Клан, обречен на страшную и мучительную смерть. Даже самые горячие головы, прежде чем вонзить клыки в чье-либо горло, усердно соображали.

Традиционно жертвами становились люди, не имевшие крова, попавшие в круговорот обстоятельств; приезжие или такие, что безуспешно боролись с демонами наркотических грез. И, конечно – истинный пир! – преступившие закон. Если кровь бездомных пресна, наркоманов – отвратна, то преступники – как правило, дюжие, здоровые мужчины, – играли роль изысканного лакомства. Нередко случалось, что кровососы добивались до негодеев, объявленных в уголовный розыск, намного раньше копов. Шелест кожистых крыльев гораздо страшнее банального «Откройте, полиция!». Ужас, летящий в ночи; зубастые мстители, для которых матерые рецидивисты представляли не более чем продолжение пищевой цепочки.

Да, «санитары улиц».

Никаких правил, за исключением Главного, которое, впрочем, больше, чем правило. Суть его сводилась к следующему: не привлекать внимания. Иные способы не выдержали проверки временем. Очень трудно вразумить существ, считающих людей чем-то вроде подножного корма, касательно того, что оных существ следует опекать и беречь. Не выходило ни ставить на очередь («МЕНЯ, после этого выскочки?! В шестнадцатом веке он тащил за мной штандарт, когда я мчался в атаку!...»; «Я не могу ждать, меня стошнило после того забулдыги...»; «У меня ускоренный обмен веществ!...»), ни подбирать доноров («Он мне не подходит. У него страшные глаза...»; «Какой-то задохлик... Сам его и осушай, а мне подавай кого пожирнее!...»; «Что-о?.. Да в каждой битве мой меч проливал столько крови, сколько вы еще не выпили!...»).

Некоторые сидели на диете из телячьей крови, но организм требовал своего, и, рано или поздно, приходилось отправляться на поиски. Краулер выбирался на улицы пару недель назад: лицо нищего, искаженное животным ужасом, до сих пор стояло перед глазами. Совсем скоро Жажда даст о себе знать. Телячья кровь ее притупляет, но только на время, подобно никотиновым пластырям, не способным отбить желание засосать дозу мерзкого дыма.

Леонард прибавил газу, словно рассчитывал оставить позади тех, кого когда-то осушил.

Несмотря на перспективу Жажды, в данный момент у альбиноса имелись заботы совсем иного рода. Важные и жирные проблемы, точно массивные моржи, вытесняли все менее значительное. Как ни странно, Краулера не оставляло чувство, что письмо и призыв – дурацкий розыгрыш. То-то Магистр удивится, когда Краулер явится по срочному вызову...

Что ж, скоро все выяснится. 23:42.

Цитадель Клана располагалась, мягко говоря, не в самом фешенебельном районе. Клан Гирудо был достаточно состоятелен, чтобы приобрести любую – помимо ратуши – недвижимость города, но штаб-квартира столетиями стояла там, где и сейчас. Город рос, улицы приобретали все более благообразный, либо, напротив, отталкивающий вид. На первых порах

Цитадель окружали шаткие лачуги, которые сменили основательные постройки. Затем деловой центр сместился, и вокруг вновь образовались трущобы.

В более популярных широтах было бы трудно избежать излишнего внимания.

Трущобы же образовали для Цитадели более-менее приемлемую оправу (в ювелирном деле, однако, никому не пришло бы в голову инкрустировать рубин в проржавевшую гайку). Мрачное строение, битком-набитое соответствующими личностями, объятая такой готической аурой, что впору нарезать ломтями, смотрелось бы крайне занятно на фоне супермаркетов и бутиков.

Впрочем, причина того упущения, что ни один Магистр не рискнул переносить Цитадель, нагрев руки на строительных подрядах, состояла в другом.

Она пролежала под фундаментом, уходила в геологические слои пустотелой стрелой. На дне штольни находилась полость, имевшая грандиозную важность не только для Клана, – хотя и этого, в сущности, достаточно, – но для расы в целом. Само собой, перенести такой объект представлялось несколько проблематичным. Посему Цитадель стояла на месте, непоколебимая под грузом столетий, каковые падали на строение мертвыми тушами, покуда не укрыли страшные тайны надежней перин, скрывающих горошину.

Прямо по курсу показался шпиль Цитадели, вонзившийся в ночное небо зазубренным кинжалом. Строение вздымалось над улицей нахально и безапелляционно, словно антенна, принимающая из звездных хлябей послания других миров, наполненных злобой, страхом и ненавистью. Небо было затянуто тучами, но профиль Цитадели чеканно проступил куском чужеродного мрака.

По мере приближения Лео казалось, что черный шпиль увеличивает объем и высоту, а на его щербатом лезвии шатко балансирует все мироздание. «Опель» свернул к тротуару и притих. 23:51. Успел. Даже раньше срока.

Впрочем, мешкать не стоило. Вдруг задержит нечто непредвиденное, да еще в самое последнее мгновение?.. Скажем, дверь будет заперта. Строго говоря, она и БЫЛА заперта – почти всегда, – но вдруг, не поторопятся открыть?..

Краулер вылез из салона и, как рачительный собственник, убедился, что сигнализация в действии. Как тысячи раз до этого, внушительный вид Цитадели вынудил почтительно насупиться. Так хмурятся, увидев скользкую, отвратительную рептилию, принадлежащую к чрезвычайно редкому (вымирающему, а значит – ценному) виду. Не то, чтобы Цитадель альбиносу не нравилась – выбирать попросту не из чего. И спрашивать у какого-то Гирудо, по вкусу ли ему штаб-квартира, столь же бессмысленно, сколь любопытствовать, находит ли он привлекательной собственную бабушку. Цитадель такая, какая есть, и ничего тут не поделаешь. Лео не мог сказать, что ему неприятен ее вид – напротив, кое-какие участки казались весьма примечательными архитектурными находками. И все же... Стоять рядом, не говоря о том, чтобы входить ВНУТРЬ, было отчасти и неизменно тревожно.

У многих создавалось ощущение, что Цитадель не являлась цельным сооружением, а склеена при помощи канцелярского клея из разрозненных сегментов, принадлежащих не только различным зданиям, но и различным эпохам. Более того, что она вот-вот развалится на эти самые сегменты, погребя под собой обитателей и ни в чем не повинных прохожих. Разумеется, изнутри Цитадель выглядела вполне цельной, но «внешнее» ощущение не располагало к комфорту.

Краулер принадлежал к числу особ, для которых внешний вид вещи порой значил больше, чем начинка. Вампир считал, что внешне Цитадель представляла собой груду обломков, веками свозимых со всей Европы: высокие стрельчатые окна, башни, поддерживаемые тонкими контрфорсами, аркбутаны, фиалы и обосновавшаяся на крыше колония горгулий, из ртов которых на пешеходов извергались струи дождевой воды. Казалось, эти фрагменты – единственное, что осталось от неизвестных готических монументов. Будто бы

некий подрядчик, пропивший все деньги, был вынужден носиться по Старому Свету в поисках развалин, где можно хоть чем-то разжиться (или, не мудрствуя лукаво, «заимствовал» контрфорс либо шпиль у ЦЕЛЫХ строений), а затем спьяну свалил эту груду булыжников на стальные леса. Даже кладка местами разнилась. А некоторые линии и перспективы казались НЕ ВПОЛНЕ готическими, какими им полагалось быть.

Что, в общем-то, не являлось секретом. Цитадель достраивалась и перестраивалась веками, чем занимались различные Магистры, старавшиеся учесть все прихоти своего тонкого вкуса, пока обитель Клана не приплыла, точно здоровенный готический ледакол, – коловший не льдины, а года, – в XXI-е столетие.

Какой ее и обнаружил, морщась от почтения и антипатии, альбинос из древнего валашского рода. Он взошел по истертым ступеням, количество которых составляло мистическую цифру 6, и дернул за черный шнурок. Последний свисал из пасти бронзовой химеры, чем, судя по страдальческой мине изваяния, терзал ее на протяжении не одного столетия. Сам же проем был настолько высок, что в него, не пригибаясь, мог пройти баскетболист на рекордно высоких ходулях (страдающий при этом жутким рахитом).

Взгляд, вопреки осознанным желаниям, упирался в почерневшую от времени поверхность двери. Огромная дубовая плита, покрытая странного вида символами, от длительного разглядывания коих начинала кружиться голова. А также – зарубками и пятнами. Напоминания о тех недобрых временах, когда вампиров еще считали объективной реальностью, а кое-какие одиозные особы считали своим долгом убить столько кровососов, сколько сумеют. Немало членов Клана распрощались с жизнями на этом самом пороге...

Леонард ждал, стараясь сохранять спокойствие. Как и прежде, манипуляция со шнурком не принесла результатов. Во всяком случае, таких, о которых мог бы узнать стоящий по ЭТУ сторону. Ни звона колокольчиков, ни тягучего баса набата, ни полифонической трели. Ни даже сдавленного крика того, чью глотку обвязывал другой конец шнура. Ничего. Эта загадка тревожила многих: как, разрази их гром, внутри узнавали о посетителях?..

Тем не менее, дверь распахнулась. Вернее, приоткрылась – с душераздирающим скрипом. Этот звук напильником прошелся по позвоночнику.

Как и миллион раз до этого, дверь открыл Казиус – бессменный привратник Цитадели. Он заслуживал казни через отсечение головы уже в силу того, что был бесконечно уродлив. Казиус открывал посетителям дверь столько, сколько Лео себя помнил... И его отец. И отец отца. И... впрочем, кто знает?..

Привратник выдал преступно развитый глазомер, каковым обладали лишь представители уникальных профессий: открыл дверь ровно настолько, чтобы Краулер смог протиснуться, не порвав пиджака, и ни миллиметром шире.

Альбинос смерил Казиуса недобрым взглядом и машинально поправил воротник.

– Добрый вечер, Казиус.

– Добрый вечер, Леонард. Великий Магистр ждет. – Привратник причмокнул кривыми губами, а затем воззрился на гостя единственным функционирующим глазом, в котором, казалось, сконцентрировалась вся подозрительность мира. Второй глаз, не выдержавший такой нагрузки, застилала белесая пленка.

Не дожидаясь ответа, Казиус заковылял в сторону лестницы. Огромный горб, появлявшийся то на левой стороне спины, то на правой, полностью заслонял лысый затылок. Поговаривали всякое – помимо того, что на дверной шнурок было наложено заклятье, благодаря чему звон раздавался не где-нибудь, а В ГОЛОВЕ привратника, – начиная тем, что, дескать, Казиус маскирует под горб сиамского близнеца, мастера закулисных интриг, которого привратник поит той полупереваренной кровью, что ему удастся срыгнуть, и заканчивая тем, что горб заменяла тактическая ракетная установка «земля-воздух-земля».

Эти байки сами собой всплыли в памяти, но в данный момент Краулера меньше всего тревожила загадочная сущность горба. Он думал лишь о том, что «Великий Магистр ждет». Стало быть, это не розыгрыш. Не дурацкая шутка, и на сей раз удастся не прогневить начальство «мнимой диверсией». Один вопрос успешно снят, но его сменил сонм других – и каждый о сотне голов. ЧТО тогда, если не шутка?.. Осталось, как обычно, теряться в догадках.

Холл Цитадели был не так уж велик, но его высота заставляла почтительно охать. Витражи, расположенные под самой крышей, тускло пульсировали красным – так ночью билось сердце города. Днем здесь было гораздо светлее. Солнечные лучи, отфильтрованные несметными стеклышками, пронизывали помещение световыми потоками – все многообразие красного, любые оттенки, – отчего казалось, что из-под крыши в холл извергается водопад крови. Этот свет для вампиров был уже не опасен, и многие осознанно жертвовали дневным отдыхом ради того, чтобы посмотреть феерическое шоу.

Альбинос и Казиус приступили к восхождению. Ступени, накрытые черной ковровой дорожкой, были широкими и невысокими, благодаря чему даже горбун поднимался достаточно резво. По краям паласа проступал красный мрамор (нагнетавший, как правило, зверский аппетит). Лестница обвивала холл, пока не упиралась в галерею. Кабинет Магистра размещался на втором этаже.

Предвкушая аудиенцию, Лео ненадолго занял себя праздными мыслями. Попытался представить, как смотрелась бы Цитадель после модного ремонта. Светлые ламинированные полы, непритязательные жалюзи, светильники в стиле «хай-тех», фактурная побелка в пастельных тонах. Краулер покачал головой. Нет, это было бы сущим надругательством над вековыми традициями. На самом деле Цитадель представляла собой консервативное, но весьма колоритное зрелище: скрипучий паркет, тяжелые портьеры цвета «бордо», барельефы (особо примечательные страницы из долгой истории Клана) и дубовые панели. Тяжеловесно, роскошно, зловеще. Примерно так большинство людей описали бы вампирскую твердыню. Вампиры не сочли нужным изобретать велосипед – тем более, что многие из них и сами в прошлом являлись людьми. Выдумать более мрачный декор, и не скатиться при этом до стиля «клоака», популярного у тайных обществ, было непросто.

«Административный» коридор освещали светильники, искусно стилизованные под газовые. Тени клубились под потолком, плетя заговоры и строя козни. От альбиноса, однако, не укрылось, что над лестничной площадкой, уцепившись коготками за распалубки свода, повисли две черные тушки. Обернувшись кожистыми крыльями, они внимательно наблюдали за холлом.

Повышенные меры безопасности?! Последний раз, когда у главного входа выставлялся усиленный караул, имел место четыре десятилетия назад, когда Клань едва не оказалась на пороге очередной войны – из-за парочки молодых эгоистов, вздумавших поиграть в Ромео и Джульетту. Леонард постарался не выдать удивления, – как и того, что засек охрану, – получив лишнее свидетельство того, что его визит связан с чем-то большим и значительным. Это не умещалось у Краулера в голове, потому как он считал себя маленьким и не слишком значительным. Следовательно, никак не мог послужить причиной столь необычного переполоха (усиленный караул у дверей означал примерно то же, что и брендспойты у администрации президента).

Привратник провел посетителя в конец коридора, к дверям кабинета № 1. Двери были двойными, высокими и непроницаемо-черными, лишенными каких-либо опознавательных знаков. У альбиноса от волнения перехватило дыхание.

Казиус поднял клешню – вместо мизинца торчал короткий обрубок, – и постучал. Толстая древесина рассеяла звуки, как мыльные пузыри. Ожидать позволения не имело смысла: не было случая, чтобы кабинет пропустил наружу чей-либо голос. Но и входить без приглашения никому не позволялось.

– Проходи. – Горбун смерил гостя напоследок взглядом, и на мгновение Лео поверил в рассказни о ракетной установке – было что-то на самом дне желтого глаза, напоминавшее оптический прицел. – Не нужно заставлять Магистра ждать.

Меньше всего Краулеру хотелось «заставлять Магистра ждать».

Вампир положил ладонь на золоченую, прохладную ручку и с натугой повернул. Дверь поддалась. Собственно, это и служило единственным подтверждением того, что глава Клана готов принять визитера. Это, и ничто другое.

Привратник втолкнул альбиноса внутрь и закрыл за ним дверь. С тем же успехом он мог замуровать проем. Дверь не откроется, покуда беседа не исчерпает себя.

Уже переступая порог кабинета, Леонард бросил быстрый взгляд на часы. Без минуты двенадцать. Главное, чтобы НЕ СПЕШИЛИ часы самого Магистра.

Краулер поднял голову, и едва успел прищуриться. Казалось, на сетчатку щедро плеснули серной кислотой. Освещенность помещения достигала пиковой отметки, и, по местным стандартам, просто зашкаливала. Не солнечный свет, отнюдь, ведь ночь набросила на город свой поношенный плащ (хотя альбинос, забывшись, целую секунду пребывал в уверенности, что ему каюк). Это был искусственный свет, порожденный лампами накаливания, совершенно безвредный, – если не считать легкого дискомфорта. В противном случае вампир превратился бы в аккуратную кучку пепла, не сходя с этого места.

Следующее, что Лео понял, пока его органы зрения пребывали в некотором оцепенении, это то, что в кабинете повис густой, специфический запах. Он был настолько плотным, что, казалось, его можно ощупать, или, отрезав кусочек, положить в пакет и принести домой. Еще этот запах ассоциировался с весьма конкретными образами – пением, молитвами и людьми в черном.

Пахло ладаном. Отчасти рецепторам было даже приятно, но Краулер не мог взять в толк, что здесь происходит. Ничего подобного он вспомнить не смог. Перво-наперво, грешным делом, обвинил во всем прохудившуюся крышу Магистра. Мол, старика совсем с катушек снесло. Врубил софиты и устроил сеанс ароматерапии. Что теперь? Собеседник, чтобы выкурить сигару-другую?..

Альбинос поднял руку, и, когда глаза более-менее оправились от потрясения, сквозь пальцы изучил кабинет. На поверку все оказалось еще более странным. Тут и там стояли мощные лампы, и большинство испускало свет в сторону двери. Таким образом, вошедший попадал в зону перекрестного обстрела. Что касалось аромата, то в каждом углу дымили кадила. Цели этих новшеств ускользали от разума вампира, подобно микробу – от лаборанта, прильнувшего к микроскопу и пытающегося ухватить «пациента» пинцетом.

– А, Леонард!.. Минута в минуту, хвалю. – Голос, похожий на скрежет песка, зажатого стеклянными пластинами, доносился из другого конца помещения.

Краулер, пытаясь игнорировать интенсивную световую атаку, не без труда нашарил обладателя скрипучего голоса. Великий Магистр выбирался из-за стола. Неужто для того, что приветствовать гостя?.. Альбинос чувствовал себя так, словно под ногами разверзлась кроличья нора, а на языке вертелось пресловутое «Все страньше и страньше». Прежде Магистр никогда не выходил навстречу посетителям. Возможно, впрочем, что к кому-то все же выходил, но к Лео не выходил ОСОБЕННО. Для того имелись причины.

Что, любопытно, изменилось?..

Вампир заставил себя опустить руку и отошел от двери. Медлить было невежливо. Лампы накаливания зло зашипели, когда добыча выскользнула из светового потока, бомбардирующего дверь заряженными частицами.

Выстрадав улыбку, Краулер рассматривал Магистра, стараясь не скатиться в банальное «пялиться». На деле это было не так уж и просто, ввиду того, что глава Клана представлял собой крайне примечательное зрелище. Тем, кто лицезрел его впервые, упорно мере-

щилось, что они встретились с эдаким особым, вывернутым наизнанку, прошедшим сквозь термоядерное горнило столетий, вампирским... клоном Мастера Йоды. Коротышка с миниатюрными ручками и ножками, укутанный в черную тогу, опирающийся на тонкую трость. Отчасти он казался забавным. Но лишь на первый, не самый пристальный взгляд. Те, кто не привык судить по внешности – или те, кто посмели заглянуть Магистру в глаза, – неизменно приходили к выводу, что забавного в этом существе чрезвычайно немного. От него ощутимо веяло силой. (Совсем не той, о которой твердил Мастер Йода, хотя, если учитывать Темную Сторону...) Консистенция ауры была таковой, что всем она касалась стеной жара, который мог нежно греть лицо, а мог за какие-то мгновения обуглить кожу и сорвать мясо с костей. Великий Магистр нагонял ужас даже в своем нынешнем обличье. Прежде же он повергал в панику одним взглядом.

Сколько ему лет, точно не знал никто. В любом случае, жить так долго – неприлично. Старым вампирам, разменявшим ТРЕТЬ такого срока, осторожно намекали, что, гм, пора и на покой. Неплохо бы освободить дорогу молодым. Тактичные, понимающие старики прислушивались – отчасти, конечно, потому, что альтернативой было общественное порицание (повидали-то многое, практически ВСЕ, и кровососущее бытие успело порядком наскучить). Они добровольно переходили на диету, ограничивая питание неделю за неделей, пока доза в мензурке не сравняется с нулем. Вскорости старики ЗАСЫПАЛИ. Не умирали, поскольку умереть вампир мог ограниченным числом способов, а, обескровленные и обезвоженные, переходили в иное состояние. Тела высыхали, как мочалка, брошенная на раскаленную солнцем черепицу, но, теоретически, в них еще теплилась жизнь. Глубоко-глубоко, под пергаментной кожей, в сплетении окаменевших органов. Разложение не властно над останками, и, теоретически же, можно принудить СПЯЩЕГО проснуться.

Великому Магистру, разумеется, намеков не делалось. Но, поскольку он был тактичен и сознателен, – в молодости не упускал случая попросить прощения у жертвы, прежде чем вонзить в нее клыки, – то уже давно сидел на диете, и, по слухам, многие годы обходился без питания. И, как ни удивительно, сохранял отменную форму. Создавалось впечатление, что внутри у него зашит ядерный реактор, вырабатывающий достаточно энергии, чтобы поддерживать жизнь в тщедушном теле (и, не исключено, даже избыток этой энергии). Жажда пропустила Магистра сквозь себя, изувечила, немилосердно выжала соки. Однако, старый вампир был далеко не прост, чтобы сдаться в связи с такой мелочью, как перерыв в питании. Его жажда жизни, которой ничуть не противоречила добровольная диета, была настолько велика, что не позволяла УСНУТЬ. Железная воля – инструмент более мощный, чем гидравлический пресс, – принуждала тело двигаться, а ум – оставаться острым, как бритва.

– Мое почтение, господин Огастус, – промямлил Лео. И, нагнувшись, ответил на рукопожатие. Как всегда, рука Магистра была сухой, как песок пустыни Гоби.

– Проходи, будь добр. И не обращай внимания на эти новации. – Глава Клана повел тростью в сторону ламп и каминов. – Скоро ты получишь ответы, уверяю.

– О. – Краулер проявлял чудеса красноречия. Он тащился за Великим Магистром, стараясь выдерживать темп. Это было не просто, а потому альбинос старался, чтобы его движение не выглядело так, словно он куда-то спешит.

Впрочем, дорогу осилит идущий. В отношении почтенного Огастуса данное высказывание обретало если не радикально новый смысл, то массу оттенков. Наконец обратный путь был пройден, и старик взобрался по миниатюрной лестнице в кресло. Сморщенная лысая голова выглянула из-за столешницы, размеры коей напоминали взлетно-посадочную полосу. Сам же стол представлял собой чудовищную конструкцию красного дерева, по ошибке названную «стол письменный, антикварный» – вместо того, чтобы выявить ее очевидную связь с кораблестроением. Эдакий авианосец среди столов.

Лишь после того, как расположился Магистр, Леонард позволил себе присесть. Таков этикет. Ветхое креслице жалобно скрипнуло. Рабочий пьедестал Огастуса возвышался над обстановкой, к которой причислил себя и визитер.

Крохотные черные глазки – кристаллы абсолютной тьмы, замороженные в череп, – воззрились на Краулера. Тот незамедлительно почувствовал себя сваренным всмятку яйцом, хотя и глядел, как предписывал этикет, на лоб шефа.

Пауза начинала затягиваться. В голову альбиноса лезли самые панические догадки. На любые обвинения, пока еще мог соображать, он решил отвечать категорично и однообразно: «Я ничего не делал». Дадут ведь ему шанс оправдаться?!

Или...

– Полагаю, ты гадаешь, зачем я тебя потревожил? – проскрипел глава Клана. – Немудрено. Я и сам теряюсь в догадках. Наша реликвия похищена.

– Я ничего не... Что?! – Лео не поверил собственным ушам. – Реликвия?..

– Именно. Сегодня днем. Вероятно, в полдень. Злоумышленник пробрался в Зал Заледневшей Вечности, и украл святыню. А заодно убил нашего брата.

– Кого? – спросил Краулер, с опережением изображая на лице горечь утраты (тогда как часть сознания ликовала, что сегодня не его черед нести дежурство).

– Титуса.

– О. Я знал его, Магистр. Он был мне другом. – На самом деле он терпеть не мог Титуса – напыщенного хлыща, чей род насчитывал жалкие две сотни лет.

Огастус кивнул.

– Что ж, он умер с честью. Так сказать, при исполнении. Однако, ему не удалось исполнить свой долг. Похититель умертвил его без каких-либо трудностей.

– Каким образом?

– Гм... – Старик помедлил, и эта пауза не понравилась альбиносу. – У тебя будет возможность осмотреть тело, если в том возникнет потребность. Титус был чистокровным вампиром, и убить его смог бы не каждый... Понимания этого для нашего разговора достаточно. Нюансы ты узнаешь позже.

Леонард и не подумал спорить. В мозгу его возник образ, который он представлял не раз (как и в отношении некоторых других сородичей): Титус лежит в луже крови, с осиновым колом, торчащим из груди. Возможно, Магистру неприятно это обсуждать, вот и все. Годы сделали его сентиментальным.

– Вы говорили, что реликвию похитили в полдень, – тактично сменил тему Краулер. – Маловероятно, что к злодеянию причастны прочие Клань, верно?..

– Разумеется, – отмахнулся Огастус. – Им ни к чему красть реликвию. Она принадлежит всем нам, сообществу вампиров в целом. Другие Клань просто могли ПОПРОСИТЬ. Однако, то обстоятельство, что кража состоялась днем, отнюдь не служит стопроцентным алиби. В конце концов, дело можно доверить людям, или... иным существам. В одном ты прав – исполнитель не являлся вампиром. Днем Цитадель пуста, а мы, почивая в своих гробах – уязвимы. Наибольшую опасность представляет полдень. Потому-то я упомянул о нем. Страшно подумать, что ЕЩЕ мог натворить вор, будь у него другие задачи.

Альбинос машинально кивнул, размышляя о том, как же все-таки хорошо, что ему не приходится обитать в Цитадели. А также о том, какие меры безопасности следовало предпринять по возвращении в фамильное поместье.

– Он пришел при свете дня, – продолжил старик, – поскольку знаком с нашими нравами. По ночам в Цитадели полным-полно братьев, и провернуть аферу было бы сложнее. В полдень же похититель пришел и ушел незамеченным.

Лео прикусил язык, потому как намеревался задать дурацкий вопрос «не видел ли его кто-нибудь». Еще он заметил, что глава Клана предпочитает называть злодея «вором» и

«похитителем», а не «убийцей». У этого тоже имелись причины. Так сказать, вопрос приоритетов. Смерть Титуса казалась столь ничтожным событием в сравнении с «кражей века», что называть преступника «убийцей» было бы кощунственно по отношению к расе вампиров.

– Я потрясен случившимся, э-э... до глубины души, – сказал он. – Тем не менее... Простите, если мой вопрос покажется бестактным... – Краулер собрал разрозненные кусочки духа, не в силах больше терпеть: – Зачем вам понадобился Я?..

Магистр пристально на него посмотрел. В черных глазах мелькнули огоньки – свет звезд, отраженный от арктической льдины, – отчего альбинос вжался в кресло. Но Огастус усмехнулся, обнажив мелкие острые зубки. Остроконечные уши шевельнулись. Примерно так усмехался Волк, узнав, что Бабушка дома.

– А ты не догадался? – спросил старик, и, не дожидаясь, пока посетитель покачает головой, пояснил: – Все очень просто. Видишь ли, меня разбудили в шесть вечера, когда обнаружилась пропажа – смена Титуса окончилась, и другой страж, спустившийся в Зал, нашел труп. Само собой, я не выспался, да и вообще – в мои-то годы подобные потрясения вреднее, чем святая вода. – Леонард учтиво улыбнулся такому заявлению. Ему было известно, что Магистр не упускал случая посетовать на здоровье, хотя, похоже, смог бы переварить и фунт кремния. – Я не сомкнул глаз, будучи занят исключительно тем, что обдумывал сложившуюся ситуацию. А она весьма непроста. По известным причинам, я не могу вести расследование лично. Мне необходимо оставаться здесь, и, чтобы не возбуждать подозрений, заниматься текущими делами Клана. Посему, требуется доверить поиск злодея и реликвии надежному и ответственному лицу, которое, не привлекая внимания, могло...

Огастус вновь замолчал. В голову Краулера закралась нехорошая догадка – собеседник практически забил ее туда молотком. БОЛЕЕ ЧЕМ нехорошая.

Скверная.

– Что-то не пойму, – медленно проговорил вампир, – неужто на МЕНЯ намекаете?!

– Именно, сынок, – кивнул старик. – Твоя кандидатура удовлетворяет всем требованиям.

– Разве?... – уточнил альбинос. – Я могу отказаться?

– Нет.

– Просто спросил. Ну а почему, собственно, я?..

– Знаю, ты удивлен, – кивнул Магистр. – Но, подумав, я пришел к выводу, что ты оптимально подходишь к выполнению данной задачи. У тебя острый ум, облаченный в молодое, крепкое тело. Ты располагаешь обширным кругом знакомств, и, насколько мне известно, не увлечен какой-либо общественно-полезной деятельностью, отрыв от которой мог бы показаться чем-то из ряда вон выходящим. Твое обычное времяпрепровождение и без того ДОСТАТОЧНО странное. Однако, это не главное. Основная причина заключается в том, что у тебя имеется ХВАТКА. А еще – хорошая наследственность.

Леонард почти физически чувствовал, как раздулось его самомнение. Но последняя фраза заставила насторожиться. При чем здесь наследственность?

– Простите?..

– Твой отец. Он решал для нас кое-какие проблемы. Так сказать, улаживал дела. Особенного, деликатного сорта. Понимаешь, что я имею в виду?..

Последний в роду Краулеров предпочел покачать головой. Его папаша был скрытным, необщительным типом – даже по меркам вампиров. То и дело отлучался, приносил в дом странные вещи и виделся со странными субъектами. Супруга утверждала, что он числится в тайном обществе вампироненавистников.

– Разве ты не знал? Впрочем, это лишний раз свидетельствует в пользу моего решения. Твой отец всегда держал язык за клыками. Неплохие шансы, что И ТЫ проявишь ту же лояльность и преданность в любом порученном деле. – Огастус сложил сухие ручки на

столе, поверх стопки каких-то бумаг. – Отличный брат был. А ты, верно, недоумевал, зачем ему таскать с собой оружие?..

Тут глава Клана попал в самую точку. Папаша альбиноса самым пристальным образом следил за всеми веяниями в оружейном бизнесе. Сперва брэнчал мечами и кинжалами, затем, по мере технического прогресса, переходил на более актуальные железки – пистолеты и револьверы. Последние почти мгновенно наводнили весь мир, уравнивая в правах слабых и сильных, но у старшего Краулера появились еще раньше (он хвастал, мол, «господин Кольт изготовил эти игрушки персонально для меня»). Лео считал, что это просто дурацкая мания, но сейчас, после вопроса Магистра, старые догадки вернулись к жизни.

Оказывается, «улаживал дела»... Как правило, вампиры не нуждаются в оружии, поскольку их физическая сила и способности, принимаемые за сверхъестественные, сами по себе являлись могучим оружием. Нужда в инструментах, изготовленных людьми, возникла в тех редких случаях, когда требовалось уладить особо ДЕЛИКАТНЫЕ проблемы – таким образом, чтобы подозрение не пало на Клан.

Альбинос узнал об этом сравнительно недавно, два-три десятилетия назад, но перемнить мнение об отце не решался. Теперь же понимал, что в его револьверах могли быть и серебряные пули... А в арбалетах – осиновые стрелы.

– Понимаю, – сказал наконец Краулер. – Значит, вы желаете, чтобы я продолжил славные традиции нашего рода... Чем же объясняется ТАКОЙ перерыв?..

– Всему свое время, – многозначительно ответил Огастус. – Дела улаживались, как и прежде. Но я чувствовал за тобой огромный потенциал, и знал, что, рано или поздно, Клан будет нуждаться в тебе. Как, собственно, и вышло.

«Лучше бы «поздно», – подумал Леонард. – А «когда-нибудь» было бы вообще замечательно»...

– Надеюсь, мне не придется улаживать дела ДЕЛИКАТНОГО сорта – вы знаете, что я имею в виду, – и, после расследования, Клан будет думать обо мне лишь в ракурсе отдаленных перспектив. «Рано или поздно», как и прежде. Для дел такого рода хватает дуболомов, с менее тонкой душевной архитектурой.

Во время монолога альбинос старался, чтобы предательская дрожь не закралась в голос. С каждым словом он все больше пьянел от своей же дерзости, а какая-то часть его сознания была не в силах поверить, что он говорит в таком тоне с Великим Магистром. Тем не менее, эти слова следовало сказать. В противном случае, его будут использовать как мальчика на побегушках, разменную монету, которой не стыдно пожертвовать ради важного дела...

Шеф воззрился на него поверх стола. На мгновение черные глаза воплотили беспримесный вакуум Космоса. Затем бледные губы разошлись в улыбке:

– Стало быть, согласен?

– А есть выбор?..

– Выбор есть всегда. Но, если учесть обстоятельства, у тебя его скорее НЕТ. Однако, твои условия вполне приемлемы. Речь идет о негласном расследовании, логическим завершением которого должно стать возвращение реликвии. Никто и не думал привлекать тебя к закулисным играм. У нас и впрямь хватает дуболомов, вот только с мозгами у них слабовато. Как только реликвия отыщется, ты сразу же сможешь вернуться к своему обычному образу жизни... И получишь щедрое, – глава Клана развел миниатюрными ручками, – ОЧЕНЬ щедрое вознаграждение. Это дело представляет огромную важность.

– Не сомневаюсь, – кивнул Краулер. – Что ж, я согласен.

Наряду с утверждением, что выбор скорее отсутствует, вескую роль в его решении сыграло обещание награды. Вампиры падки на материальные блага. И, как тысячи авантюристов, привлеченных к сомнительным делам, Леонард прельстился вознаграждением, кото-

рое, судя по слышанному, будет **ОЧЕНЬ** щедрым (хотя и понимал, что, скорее всего, речь идет о какой-нибудь грамоте, и чеке на литр крови, который можно обналичить лишь в следующем столетии).

– На другой ответ я и не рассчитывал. – Огастус потер сухонькие ручки.

Теперь, когда альбинос расставил все точки над «ё», и даже выторговал кое-какие условия, он поразмыслил над тем, что же ему пытаются всучить.

Безусловно, он знал о реликвии, воспринимая ее существование как нечто само собой разумеющееся. Ему также приходилось нести дежурство в Зале (по спине пробежал предательский холодок). В остальном же оказалось, что Краулер ориентируется в проблеме довольно посредственно. Более того, из рук вон плохо. Он попытался наскрести из сокровенных недр памяти все скудные данные, что так или иначе касались реликвии, – и это напоминало работу фанатичных спелеологов, собирающих со стен фосфоресцирующую плесень. Очень скоро выяснилось, что добытая горстка информации удручающе мала, и не уступает размерами лишь квантовой физике.

Посему Лео решился спросить (не так часто удается задать Великому Магистру пару вопросов, – хотя, пожалуй, с «где вы были в полдень?» спешить не стоило):

– Господин, э... не могли бы вы просветить меня насчет того, что реликвия собой представляет?..

Глава Клана обнажил острые зубки:

– Вот это да! Я-то думал, что молодежь прилежно штудировать историю нашего племени... Неужели ты не знаешь, что **ПРЕДСТАВЛЯЕТ** собой наш величайший секрет?..

– Нет-нет, я совсем не об этом, – заторопился альбинос, в голове которого всплыл отвратный образ «величайшего секрета», не единожды виденный в Зале Заледеневшей Вечности. – Мне любопытно, кому он мог понадобиться? Да, я **ВИДЕЛ** реликвию, но **ЧТО** она делает, и для **ЧЕГО** нужна, мне неизвестно.

Огастус задумчиво забарабанил коготками о полированную столешницу.

– Впрочем, не тебе одному, – сказал он наконец. – Прости, я не желал тебя обидеть. Мне всегда казалось, что реликвия – нечто совершенно обыденное, однако, поразмыслив над твоими словами, понял, что достоверно нам известно очень немного. Лишь легенды и предположения. Догадки и предания. Причем многие рукописные свидетельства, в надежности которых, казалось бы, не пристало сомневаться, противоречат друг другу! Вот, скажем, происхождение. Насчет того, что голова принадлежала Гозалдусу, величайшему представителю нашей расы, источники сходятся. Вот только один источник гласит, что он спустился со звезд, оказавшись первым вампиром на планете, другой же – что Гозалдус всего-навсего объединил разрозненные племена. Таким образом, он стал первым лидером, оставившим свой след в истории. Все это случилось задолго до основания Империи, и, строго говоря, одно предание не противоречит другому. Как по мне, – Магистр понизил голос, – это не имеет равным счетом никакого значения. Во всяком случае, для нас, обывателей. Когда-то эта голова сидела на плечах какого-то вампира, лишившегося ее по неизвестным причинам, и это произошло так давно, что мой прапрапрадед был еще искрящимся огоньком в глазах предыдущего предка... Оставим домыслы ученым. Нам любопытно другое...

Старик замолчал, переводя дыхание.

Краулеру казалось, что он легко поспевает за ходом его рассуждений – тем более, что они походили не на сверхзвуковой экспресс, а на неторопливый грузовой состав.

– На что **СПОСОБНА** реликвия?..

– Именно, сынок. И на этот вопрос у нас нет внятного ответа. Хранить Череп – великая честь, которой удостоился Клан Гирудо, а не Упыри, или, того хуже, Вурдалаки. Реликвия стала символом, гербом Клана, свидетельством его величия. Утратив ее, мы запятнали себя позором. – Сморщенное лицо Огастуса омрачилось печалью. – Сомневаюсь, однако,

что похититель преследовал именно такую цель. Ему зачем-то понадобился Череп, и, если мы выясним мотивы, то значительно облегчим расследование. Но именно это представляет собой загадку. Никто точно не знает, что ДЕЛАЕТ реликвия.

– Как же так? – недоумевал Леонард. Он крайне смутно представлял, как, скажем, работал телефон, но использовал его без зазрения совести. Теперь же он знал, что Клан на протяжении столетий хранил странного вида предмет, совершенно им не пользуясь, и даже не представляя, для чего он нужен. Но озвучить альбинос решил следующее: – Неужели НИЧЕГО не известно?..

– Ну, – протянул Магистр, и это «ну» открывало безбрежные горизонты гипотез и теорий, в которых не сориентировался бы даже самый опытный крючкотвор, – наиболее правдоподобная легенда (если сразу же отсеять те, которые рекомендуют использование реликвии в качестве светильника на Хэллоуин, атрибута спиритических сеансов, или – невообразимое кощунство!.. – декоративной пепельницы) гласит, что Череп Гозалдуса наделит хозяина Могуществом и Силой. – Старый вампир ухитрился произнести заглавные буквы.

– Кто бы мог подумать, – пробормотал Краулер. Прежде он относился к реликвии прохладно, если не с отвращением; не интересовался ее таинственными свойствами, и коротал дежурства за чтением «Плейбоя». – Еще кого-то, или Гозалдуса?..

– Навряд ли. Гозалдус – покойник, и, думаю, ему не понравилось бы, как обходятся с его головой. Хотя... в рукописи сказано: «Череп Гозалдуса наделит хозяина...».

Лео беспокожно заерзал.

– Всего-то? Как же задействовать это Могущество?!. Может, там какой тумблер имеется?..

– Нет.

– НИКТО не пытался это сделать?!

– Таких данных нет. Может, когда-то...

– А вам, господин, неужели не хотелось?.. – Альбинос опомнился, едва не подмигнув.

– Нет. У меня ВСЕГДА находилось достаточно дел, чтобы не забивать голову глупыми желаниями. – Огастус воззрился на собеседника, как тому показалось, с раздражением. – Кроме того, даже если бы я и захотел, у меня ничего бы не вышло. Для Могущества и Силы необходимо получить сразу ДВА артефакта.

– Вот как?.. – Краулер заинтригованно усмехнулся. Он бы не удивился, если бы за «Могуществом и Силой» пришлось смотаться в Антарктиду, или, скажем, на околоземную орбиту. – Какой же ДРУГОЙ артефакт имеется в виду?..

– Лапа Кадавера. Хранимая, как тебе известно, вервольфами. Уже пять шесть лет.

– Да, я что-то слышал об этом... – Леонард задумчиво потерев губу, пытаясь припомнить, что же именно он «слышал». Но, как выяснилось, закрома его памяти содержали еще меньше информации касательно святыни вервольфов, чем о Черепе Гозалдуса. – Не понимаю. При чем здесь оборотни?..

– Тому, кто желает добраться до Могущества и Силы, – терпеливо пояснил Магистр, – потребуется завладеть двумя талисманами сразу. Каким-то непостижимым образом они связаны. И, очевидно, вступят в еще более явное взаимодействие, чтобы наделить обладателя, как ты догадываешься, Могуществом и...

– Да-да, и Силой, – закончил мысль альбинос (нежданное внимание к его персоне ударило в голову; прежде он и подумать не смел, чтобы прервать шефа), и, спохватившись, добавил: – Простите, господин. Как же они свяжутся?.. Может, это головоломка, выдуманная Гозалдусом и этим... Кадавером? Нужно собрать компоненты, прочесть появившееся слово, и счастливого покажут в теле-викторине? Быть может, у морлоков ТОЖЕ есть реликвия?..

Сообразив, что несет чушь, Краулер поспешно заткнулся.

Огастус даже бровью не повел. Впрочем, скудная мимика проистекала не столько от сдержанности характера, сколько от амортизации лицевых мышц.

– Сомневаюсь. Если в отношении морлоков и уместно говорить о традициях, за исключением традиции поедания падали, то навряд ли ИХ реликвия способна образовать что-либо стоящее с Лапой или Черепом. Мне кажется, ты обронил это в печали, не желая оскорбить наш славный род... Верно?..

– Конечно, господин, – поддакнул Лео. – И все-таки, хотелось бы понять, что за продукт способен появиться на свет. – Он припомнил глупый фильм о чернокожем вампире, способном бродить при свете дня, и кознях его недругов, также алкавших могущества и силы. – Возможно, в процессе некоего ритуала будет призван жестокий бог вампиров, незаслуженно нами забытый?..

«То-то он соскучился», – добавил про себя альбинос.

– Нет.

Краулер вспомнил ленту о противостоянии вампиров и оборотней – столь бессмысленной бойне самое место в кино, это уж точно, – где и те, и другие носились, как с писаной торбой, с парнем, в чьих жилах струилась весьма необычная кровь.

– Тогда, может, артефакты наделят обладателя способностями вампира и вервольфа? Он сможет загорать под солнцем, и оборачиваться то волком, то летучей мышью...

– Нет.

– Ну, возможно... – Тут на ум пришла полнейшая ахиня. – На Землю вернутся повелители Хаоса, заточенные на краю Вселенной в хрустальной темнице?..

– Э-э... Нет.

– Неужели вообще ничего не известно?! – спросил Леонард, зная, что ответом будет «нет».

– Нет.

– Понятно. – Альбинос мрачно кивнул; для себя же решил, что, если в самом центре города вознесется ядерный «гриб», или на горизонте появится нечто большое, хрустальное и с щупальцами, поиск можно смело сворачивать.

– Как я говорил, летописи не дают однозначного ответа.

– Видимо, – буркнул Краулер, – сперва похититель вырвал из летописей самую интересную страницу... С мотивами более-менее разобрались – тот, чьими руками была совершена кража, или же тот, кто отдал вору этот приказ, желал получить Могущество и Силу (если, разумеется, не возникнет нужды отметить с шиком Хэллоуин, либо – занять крутую пепельницу). Если он решился на столь рискованную аферу, ему ИЗВЕСТНО, как привести в действие Череп... Как щелкнуть тумблером. И, – продолжал рассуждения Леонард, – известно, как добраться до Лапы. Или... она УЖЕ в его цепких ручонках.

Магистр нахмурился.

– Я думал об этом. Само собой, вор получил в свое распоряжение некие сведения, которых нет у нас. Поскольку ему удалось осуществить кражу, он отнюдь не простак, и не стал бы совершать ничего необдуманного. Вероятно, похищение Лапы – дело времени. В обладании одним талисманом не было бы ни малейшего смысла. – Старик наградил альбиноса пристальным взглядом. – Теперь ты понимаешь, что время не ждет. Последствия могут оказаться самыми страшными... И, учитывая наше невежество – поистине непредсказуемыми.

– А что...

– погоди. – Огастус устало поднял руку. – Касательно твоего последнего допущения – Лапа находится там, где ей и положено быть. Мерзавец еще не заполучил ее в свои, как ты заметил, цепкие ручонки. Узнав о происшествии, я сразу же связался с почтенным Вольфгаром, и, изложив суть дела, заручился его поддержкой. Он обещал хранить молчание, и усилить охрану артефакта.

Краулера посетила очередная, как ему казалось, «гениальная» догадка».

– А не может оказаться так, – осторожно начал он, – что кражу провернули оборотни?.. Такое коварство, осмелюсь предположить, на них вполне похоже. Одна реликвия у них, значит, дело наполовину сделано. А теперь вот и Череп...

– Нет. – Магистр покачал головой. – Прежде всего, это исключает сам способ, которым умертвили бедного Титуса – подробности, как я говорил, ты узнаешь позже. В остальном же – подозревать Вольфгара лишено всякого смысла. Исходя из сути предания, Могущество объединенных артефактов распространяется на оба племени. Однако, с чего бы вервольфы похитили Череп сейчас – столетия бездействия спустя?.. Можно было бы заподозрить подвох, если бы имела место смена власти. Но ее не предвидится, а Вольфгар правит Стаей железной лапой... Он далеко не глуп, и отлично сознает, что джинна, выпущенного из бутылки, крайне трудно загнать обратно...

– Мало ли, – в сомнении проговорил Леонард. – Годы меняют людей, и не всегда лучшим образом. Я хочу сказать, ведь оборотни гораздо ближе к людям, нежели мы. У старика-Вольфгара могли появиться новые увлечения – не знаю, боулинг, видео-игры, молодые волчицы, похищение древних реликвий... Последнее, по его соображениям, могло бы спонсировать все остальное...

– Прекрати наговаривать на уважаемого господина! – возмутился глава Клана, но, как альбиносу показалось, несколько вяло. Так турист, перебравший пива на пикнике, отмахивается от комара. – Повторяю – шанс того, что к делу причастны вервольфы, ничтожно мал. Ты убедишься в этом, когда осмотришь... Титуса. По крайней мере, то небольшое, что от него осталось.

– Возможно, – кивнул Краулер. – И все-таки, вы позволите иметь в запасе эту версию?..

– Дело твое. Ты волен вести расследование так, как тебе заблагорассудится. Но учти, – палец, увенчанный желтым когтем, указал на Леонарда, – твои действия не должны повлиять на политическую обстановку. Я говорю это, зная тебя. Если ты задумал ворваться в штаб-квартиру Стаи, и потребовать от Вольфгара возвращения Черепа – забудь об этом. Исчезновение святыни, конечно, большое горе, однако, это не повод для истерики. Мы долго шли к установлению мира, шаткого равновесия между действующими в городе силами. Баланс существует уже несколько лет – очень спокойных и славных лет. Неосторожные действия могут привести к НЕ МЕНЕЕ серьезным последствиям, чем Могущество и Сила в чьих-то неуклюжих руках. И Клан Гирудо должен повести себя **КОРРЕКТНО** и **ОСТОРОЖНО**. Сломать хрупкий мир куда проще, чем кажется. Упыри и Вурдалаки только и ждут, что мы допустим ошибку...

– Я понимаю, господин, – неохотно сказал альбинос. Он-то уже представил, как, размахивая пулеметом, «налаживает добрососедские связи». В кои веки ему выдалась уполномоченная возможность терроризировать недругов, или даже тех, кто в свое время косо на него поглядел, не пустил на свидание дочь/сестру, либо был скользким неприятным типом, строящим козни против Гирудо. – Баланс. Корректно и осторожно. Разумеется. Само собой.

Собеседники помолчали. Краулер думал о том, в какой сладкий миг дипломатия перестает быть таковой, и дипломаты достают из дипломатов «мини-Узи». А Огастус, похоже, гадал, не задушить ли наглеца прямо сейчас.

– Ага, – очнулся Лео. – О чем это мы?.. Ах да, другие Клань. Упыри и Вурдалаки. В свете новых обстоятельств, возможно, стоит пересмотреть веру в то, что им не обязательно похищать Череп, потому как достаточно попросить?..

– На этот счет у меня соображений немного. Все может быть. Мы уже обсуждали, что вор явился днем, и, даже учитывая доступную нам защиту от солнца, не был вампиром. Скорее всего, речь идет о исполнителе. Вурдалаки и Упыри вполне могли проявить интерес

к пресловутому Могуществу. – Магистр тихо вздохнул. – В этом случае, как понимаешь, ПРОСИТЬ не имело смысла.

– И я о том же! – подхватил альбинос. – Вербольфы бы им Лапу не дали, значит, пришлось бы похитить. В этом случае их причастность была бы очевидна. И наоборот – исчезни Лапа, и просьба одолжить Череп выглядела бы несколько странно. Поэтому они решили играть грубо, чтобы снять с себя подозрения. Похитить сперва один артефакт, а затем – другой... Хитрые бестии!..

– Помни, это просто допущения, – заметил старик, и строго воззрился на собеседника.

– Да-да, конечно. Допущения... – Краулер рассеянно отвернулся. Кадила и лампы.

Его энтузиазм камнем рухнул на самое дно, пустынное и черное, без единого про света – именно такую картину в данный момент представляло мировоззрение Лео. Он вдруг понял, и эта мысль повисла на шее пудовой гирей, что ему, ввиду обязанностей «должностного лица», придется иметь дело с Упырями и Вурдалаками («этими хмырями и уродами»). Подобную досаду испытывает всякий рыбак, вытянувший из озера не жирную рыбину, а старый башмак.

Перспектива встреч с дальними родственниками не внушала восторга. Говоря по правде, вампир предпочел бы целый месяц общаться с представителями Стаи – оборотни, по крайней мере, не похожи на инопланетных пришельцев, стремящихся узурпировать всю политическую власть на Земле.

«Конечно, – лихорадочно думал альбинос, – если я НЕ ЗАХОЧУ, мне НЕ ПРИДЕТСЯ с ними видеться. Но это, – выползла из какой-то дыры нехорошая мысль, похожая на длинную мерзкую гусеницу, – будет означать, что я УМЫШЛЕННО торможу ход расследования. И тогда, не исключено, вместо Черепа Гозалдуса на пьедестал водрузят мою собственную голову – в качестве временной, не совсем равноценной замены...». До такого доводить не стоило.

Впрочем, тень надежды стервятником парила над кладбищем разбитых иллюзий.

– Гм, господин, – попытал счастья Краулер, – значит, вы действительно хотите, чтобы я нанес визит вежливости нашим родичам? Другим Кланам, если точнее?..

– Леонард. – Огастус тщательно произнес имя собеседника – не плюнул впопыхах, как это бывает, а, обглодав каждую букву, развесил безжизненные скелетики в воздухе. И, копируя интонации какой-нибудь бабули (старой гримзы с диктаторскими замашками и запущенной шизофренией, но в целом – приятной леди преклонных лет), читающей нотации внуку, продолжил: – Стратегию следствия тебе придется разрабатывать самостоятельно. Собственно, для того я и доверяю это важное дело тебе. Если бы я занимался каждой мелочью, в твоей помощи не возникло бы необходимости. Тебе придется самостоятельно принимать решения, и корректировать ход расследования в том направлении, каковое ты сочтешь верным. У тебя не будет иных обязанностей, кроме поиска святыни, что дает возможность узнать и понять больше, чем кто бы то ни было... Твой интеллект, кусочек за кусочком, создаст уникальную мозаику того, что случилось на САМОМ ДЕЛЕ, и никто – даже я – не посмеет комментировать следствие, или препятствовать его продвижению. А мне придется твердить, что в Багдаде все по-прежнему спокойно...

Альбинос, вздрогнув, не без труда сбросил оторопь, наброшенную на него старым вампиром. Это был не гипноз, и даже не внушение (во всяком случае, не преднамеренное). Просто подобное случается, когда слушателю неожиданно открывают глаза на величайшую значимость его собственной персоны.

– Что касается «визита вежливости», – кавычки Магистр обозначил сухими смешками, – то и это останется на твоём усмотрении, как и на совести. Думаю, я бы поискал подходы к нашим, как ты заметил, родичам... Но имеет место ЕЩЕ один немаловажный аспект – секретность. Понимаешь, о чем я?..

– Понимаю, господин, – медленно ответил Краулер, нутром чуя подвох. – Очень хорошо понимаю... Хотя, если подумать... не совсем. Что вы имеете в виду?..

Огастус вздохнул. Почти незаметно.

– Необходимо держать в секрете факт пропажи реликвии. Об этом не должна узнать эта голодная свора – широкая общественность. Положение, в котором мы окажемся, будет не просто нелепым, а анекдотичным. У нас из-под носа увели тот самый Череп, что красуется на гербе Клана, причем посреди белого дня! Нам нет оправданий. Поэтому, – подытожил старик, – следует занавесить происходящее маскировочной сеткой таинственности. Пока мне удастся дозировать информацию, но лишь пока. О случившемся знают всего несколько вампиров. Один встретил тебя у порога, другой сидит перед тобой.

Лео, которого изнутри глодали смутные сомнения, едва не обернулся.

– Теперь о краже знаешь и ты, – продолжил Магистр. – Мы-то остаемся здесь, и будем держать языки за клыками – то малое, что можно сделать в этой неприятной ситуации. Но, поскольку поиск будешь вести ты, бремя ответственности ляжет на твои плечи всем весом. Конечно, я понимаю, что невозможно вести следствие таким образом, чтобы ни у кого не зародилось подозрений. Тебе предстоит общаться с людьми, вампирами, вервольфами, и... другими. Однако, если над Кланом Гирудо начнут смеяться публично, я буду знать, с КОГО спросить.

– Я еще могу отказаться?.. – пискнул альбинос.

– Разумеется, нет. И мы уже обсуждали этот вопрос. Теперь ты знаешь СЛИШКОМ много. – Черные глаза полыхнули зловещим огнем (не иначе, «желудочный» реактор сбрасывал энергетический избыток). – И тебе, как я говорил, придется самому выбирать слова и поступки... Сознавая важность твоей миссии, я не могу запретить обсуждать с кем-либо похищение Черепа. Но выбирай собеседников с умом, и с умом же задавай вопросы, не говоря о том, чтобы рассказывать что-либо самому. Ведь, повторяю, спросить придется с тебя.

Краулер, быть может, впервые за свою долгую жизнь понял, что значит «спуститься с небес на землю». Прежде-то он считал, что это отходняк после какой-то крутой наркоты, но сейчас понял, что на самом деле выражение означало жгучее разочарование. Подумать только, ему навязали дело, без которого Леонард бы прекрасно обошелся, а теперь еще и заткнули рот!.. «Дело о Черепе» (именно так вампир назвал про себя грядущее следствие) могло вознести его статус до необозримых высот, или же, напротив, уничтожить. Теперь же выяснилось, что, даже если реликвия вернется туда, где ей положено быть, альбинос не сможет никому об этом рассказать, ведь официально Череп никогда не покидал этого самого места! А если он осмелеет и наплюет на запреты, никто попросту не поверит в этот «героический эпос»...

«Так на кой, спрашивается, мне это нужно?!..» Но озвучить висевший на языке вопрос Краулер не решался. Как говорится, «он СЛИШКОМ много знал».

– Я немного запутался, – признался Леонард. – Как я смогу выяснить, причастен ли кто-то к убийству и краже, если даже не смогу его прямо об этом спросить?! Мне МОЖНО дать знать, что реликвия похищена, или же придется намекать?..

– Можно, если осторожно, – улыбнувшись, проскрипел Огастус. – Сам решай. Я не могу консультировать тебя насчет каждого отдельного случая. И учти, что, ЕСЛИ за произошедшим стоит какой-то Клан, третий – на нашей стороне. Упыри и Вурдалаки не выносят друг друга даже больше, чем нас. Хотя альянс не исключен, вероятность его ничтожно мала. ЕСЛИ злоумышленники – кто-то из них, то третья сторона не при чем. Запомни это. И, вместо того, чтобы гнать картину, прояви осторожность и поищи союзников.

Меньше всего альбиносу хотелось искать союзников среди этих уродов («Неужто речь о том, чтобы посещать их мерзкие тусовки и скалить зубы на глупые шутки?! Нет уж,

увольте...»). Но, как говорится, на безрыбье и рак – что-то вроде самоходной банки с черной икрой. Тоскливые мысли кишмя кишели в голове, насмерть сражаясь за титул «самой депрессивной и пессимистичной».

– Для того же, чтобы поиск союзников шел более гладко, – продолжил Магистр, – я даю тебе это. – Он достал из-под пачки бумаг карточку и протянул Краулеру.

Тот принял и безучастно повертел в руках прямоугольник белой бумаги, весьма приятный, благодаря ламинированию, на ощупь. По мере того, как сознание все глубже увязало в смысле текста, отпечатанного на одной стороне мелким разборчивым шрифтом, глаза Леонарда расширялись, а сам он проникался благоговением к невзрачной, на первый взгляд, карточке.

В самом конце, напротив «Огастус, Великий Магистр Клана Гирудо» стояла подпись означенного должностного лица. Выше содержалось обращение, адресованное любому существу, кто потрудится с ним ознакомиться.

Альбинос читал и преисполнялся гордыни. Оное чувство благотворно действовало на всех вампиров без исключения. На сердце же Краулера, истерзанное потрясениями, излилось живительным ливнем – парной крови:

«Приветствую, незнакомец или знакомец – вампир, оборотень, человек, морлок, или кто-либо еще. Если ты читаешь эти строки, податель сего (предполагается, что это Леонард Краулер) стоит/сидит/лежит в непосредственной близости от тебя. Вне зависимости от того, являешься ли ты членом Клана Гирудо, прошу (приказываю – представителям Клана Гирудо) оказать подателю любую посильную помощь. Уверяю, ты будешь вознагражден. Податель сего (если все сложится удачно, им по-прежнему будет Леонард Краулер) является уполномоченным лицом, действующим в интересах Клана. Он выполняет ответственную и важную миссию, о целях какой-либо распространяться ему не позволено. Итак, прошу/приказываю оказать всю возможную помощь. В случае же, если ты начнешь чинить подателю препятствия (очень надеюсь, что Лео Краулер находится поблизости и в добром здравии), либо беспричинно откажешь в содействии, которое объективно мог бы (должен бы) оказать, Клан Гирудо обрушит на тебя свой страшный гнев.

Огастус, Великий Магистр Клана Гирудо».

Не успел альбинос прочесть обращение, между строк озаглавленное «подателю сего», и сулящее блага, невиданные большинством сверстников («наконец оценили по заслугам!...»), как в дверь постучали. Оный стук был предельно тактичен, словно вопрошая «Господин, вы не заняты?..», наводя на мысль, что стучащий был таким же сухопарым и чопорным, как его манера стучать.

Золоченая ручка двери повернулась. Дверь проигнорировала эти потуги.

Если старый вампир и придал им значение, то не подал виду.

– Думаю, ты понимаешь, – сказал он, – что демонстрировать сей документ всем и каждому было бы верхом неразумности. То, что ты находишься при исполнении, секрет само по себе. Конспирация – наш главный козырь. Используй свои полномочия только тогда, когда не останется иного выхода. Я надеюсь не обнаружить у Цитадели очередь тех, кто угостил тебя пинтой крови, и не замедлил прибыть за обещанным мною вознаграждением.

Лео заторможено кивнул. К этому времени мысли его несколько оплыли. Размышлял он, в частности, о том, что на протяжении всего письма Огастус беспардонно «тыкал», могло стать, совершенно незнакомому существу. И, в сущности, имел на то право, поскольку не было бы преувеличением сказать, что Магистр являлся если не самым старым горожанином, то одним из таковых. А потому годился в прапрапрадеды всем тем читателям, кто еще настолько юн, что придают значения формальностям (не будешь же церемониться с сопляком-прапраправнуком!). А ровесники смотрели на эти вещи проще.

Еще Краулер вообразил очередь просителей, держащих по пинтовой кружке крови, и от этой фантазии в желудке начал интенсивно вырабатываться фермент.

Однако, взгляд Огастуса вынудил альбиноса собрать разбегающиеся, как тараканы, мысли.

Требовалось их чем-то приманить. С другой стороны, Лео больше хотелось затащить эти мысли в какую-нибудь ловушку «Raid», где они бы передохли, а те, что не передохнут, стерилизуются, и разучатся плодить себе подобных.

– Не извольте беспокоиться, господин, – сказал он. – Все будет в лучшем виде.

– Именно это я и рассчитывал услышать. – Старый вампир откинулся на спинку кресла.

Вновь раздался деликатный стук. «Господин, вы еще заняты?.. У меня неотложное дело...». Ручка повернулась, и на сей раз дверь проявила снисхождение.

В проеме возник чей-то высокий силуэт.

Не отвлекаясь на детали, Краулер поспешно спрятал карточку, будто опасался, что посетитель покусится на его полномочия. Только после того, как карточка была укрыта во внутреннем кармане пиджака, альбинос обернулся.

Вошедший и впрямь оказался сухопарым и чопорным, таким же корректным, как его стук. Он поднял руку, пытаясь прикрыться от яркого света, обрушивающегося на дверь. Тонкие пальцы отбросили на лицо черные тени.

Леонард знал его. Это был Адагимонус, весьма крупная шишка. Он, и четверо других Магистров (включая Огастуса) образовывали Круг Древней Власти. В каком-то смысле Адагимонус являлся одним из помощников Великого Магистра. Круг обязанностей каждого Магистра был весьма широк, что влекло некую размытость (вернее, они занимались тем, чем хотели, тогда как Огастус неустанно швырял уголь в прожорливую печь локомотива, именуемого «Клан Гирудо», – демократия, конечно, большое благо, но кто-то должен еще и работать). Краулер подозревал, что Адагимонус занимается чем-то сродни «сношений с общественностью», либо «информационной безопасностью». Проще говоря, чем-то совершенно никчемным, не приносящее Клану никакой пользы. Однако, этот вампир пользовался известным уважением не только в кругу сородичей, но и прочих существ; располагал обширными связями, солидным материальным благосостоянием, и – безупречной родословной. В его роду насчитывалось немало известных личностей. Сам же Адагимонус был преклонного возраста, – значительно старше Лео, но гораздо младше Великого Магистра. Ровесник усопшего Краулера-старшего.

Внешне Адагимонус производил такое же впечатление, как и его репутация: сухой несгибаемый старик, черствость коего соперничала лишь с консервативным образом мыслей. Высокий, костлявый, лишенный какой-либо грации. Под черными, чуть раскосыми глазами торчал большой нос, похожий на клюв. Магистр напоминал продукт эволюции пернатых – грифа, ужасающее создание о двух ногах и двух же руках, чьим единственным призванием, казалось, было ожидание на ветви баобаба, когда львы закончат трапезу. Многие, видевшие Адагимонуса впервые, каким-то странным образом постигали, что разговор вот-вот пойдет о «расовом превосходстве», и деловито устремлялись за кувшином, стоящим на другом конце фуршетного стола.

Вампир всячески ратовал за «чистоту крови» и прочий маловразумительный бред, в котором молодое поколение не могло ровным счетом ничего разобрать. Но то, что Магистр трудился на общее клановое благо, никем не подвергалось сомнению (в основном оттого, что, пока он погружен в свои дела, не станет совать длинный нос в чужие – хотя результатов упомянутой деятельности пока никто не видел, и не верил, что когда-нибудь увидит).

Альбинос недолюбливал этого типа. Считал его самодуром и снобом. Вероятно, антипатия была взаимной – до Леонарда доходили слухи, будто Адагимонус называл Краулера бездельником и праздным шалопаем, позорящим свой род. Альбинос не спешил верить слу-

хам – Магистр был слишком церемонен и чопорен, чтобы высказываться подобным образом в присутствии других членов Клана. Тем не менее, всякий раз, когда Лео видел эту костлявую физиономию, он был готов поверить еще и не в такое – объяснить же резоны своей неприязни не смог бы и сам. Похоже, причины залегали на том глубоком подсознательном уровне, где хранились все иррациональные страхи. Или дело заключалось в странном запахе, исходящем от Адагимонуса, и не имеющем ничего общего с парфюмом – чуть сладковатый, терпкий, наводящий на мысли о прелой листве и неизбежном увядании.

Как бы там ни было, в редкие моменты откровенности Краулер признавался самому себе, что побаивается Магистра. Не так, как Огастуса: тот внушал конкретные опасения любому вампиру (как, впрочем, вервольфам и людям), поскольку воплощал собою Власть. Неказистую, древнюю, и все же смертельно опасную. Страх перед Адагимонусом был необъясним, окружал нескладную фигуру наподобие призрачного ореола. Это чувствовали многие.

– Простите, мастер, – сказал вошедший, – я не помешал?..

Альбинос едва сдержался, чтобы не фыркнуть. Более глупый вопрос трудно было и придумать. С другой стороны, дверь ВПУСТИЛА Магистра внутрь.

– Разве что немного, – усмехнулся Огастус. – Мы как раз обсуждали с Леонардом ситуацию... Да, Адагимонус в курсе, – добавил он, взглянув на Краулера.

Альбинос с подозрением воззрился на сухопарого субъекта, пытаясь обнаружить заламинированную карточку. «Конкурент?» При мысли о том, что Адагимонус будет каким-то образом причастен к расследованию, Леонарда пробрала дрожь. «Нет, только не это!.. Уж лучше Упырь... Или даже Вурдалак». Эти мысли служили не иллюстрациями, а, скорее, твердой обложкой к антипатии, возникающей при одном виде Магистра. Мгновение спустя Краулер опомнился – Огастус дал понять, что следствием займется ОДИН уполномоченный.

Адагимонус вышел из сектора, насквозь пропитанного обжигающим светом. Прямым ходом направился к столу, и, натянуто улыбнувшись, подал альбиносу руку. Тот с трудом подавил гримасу отвращения, и – делать нечего, – ответил на рукопожатие. При этом Лео старался сделать так, чтобы площадь соприкосновения его ладони с этим холодным, сухим НЕЧТО оказалась настолько мала, насколько сие представлялось возможным, – не покидая рамок приличий. Вероятно, именно такова на ощупь мумифицированная гадюка.

Краулер гнал прочь мысли о том, какие мерзкие процедуры Магистр мог проделывать этой рукой минуты назад. Перебить тошнотворный запах тления не мог даже ладан, хотя кадиланицы дымили на предельную мощность.

Внешне Огастус являл собой еще более странное зрелище (оперировать в его отношении такими критериями, как «привлекательность», было бы несколько кощунственно), но при взгляде на него альбинос чувствовал лишь почтение, стойкую жажду, и сомнение в том, покинет ли он кабинет в добром здравии.

Адагимонус же внушал неизбывное желание осведомиться «Не пора ли, господин, вам на покой?..», хотя, конечно, самым внимательным образом следил за внешним видом. Он был чрезвычайно бледен, но для кровососущих это являлось естественным цветом лица. Оставалось догадываться, какие группы крови Магистр предпочитает, и, в то же время, не следовало сомневаться, что в питании он себе не отказывал. Самодовольные ублюдки, чьим коньком являлось «расовое превосходство», не любили ущемлять свои интересы. Когда придет время, намекать насчет «покоя» придется очень долго...

Лео же считал, что для Адагимонуса время намеков давно прошло, и настал час садиться на строжайшую диету. А еще лучше – незамедлительно присоединиться к сонмам предков, почивших, в отличие от некоторых, весьма своевременно.

Стараясь сохранять невозмутимое выражение лица, Краулер оглядел Магистра. Прикид, на первый взгляд безупречный, для знатока моды, чей взгляд препарировал швы и крой,

во мгновение ока обнаруживал свою удручающую суть. Черный похоронный костюм (без полоски или фактурной выделки!) – прошлогодней коллекции. Старье, носить которое могли лишь старые занудные кровопийцы. А лацканы и вовсе казались преступлением против человечества.

Рубашка – ультимативно бела, хотя последним писком в вампирской тусовке было оставить на воротнике каплю крови (в подтверждение недавней трапезы); столь богемную небрежность обусловило появление нового отбеливающего средства.⁴ На белоснежной груди Адагимонуса лежал черный галстук, удерживаемый золотым зажимом – простая полоска желтого металла.

– Да, кошмарное, невообразимое преступление, – Магистр сокрушенно покачал головой. – Похищена наша реликвия... И, что не менее значимо, убит наш брат. Виновные должны быть преданы страшной, мучительной смерти. Раса вампиров не потерпит такого оскорбления, о нет, не потерпит...

Альбинос мучительно терзался, что поблизости нет фуршетного стола.

– Прежде чем предать кого-либо смерти, – заметил Огастус, – сколь бы страшной она ни была, необходимо обнаружить этих самых виновных. Поэтому я и призвал Леонарда. На мой взгляд, он наилучшим образом подходит на роль следователя. Его незаурядные способности увеличивают наши шансы.

– Полностью согласен, мастер, – кивнул Адагимонус. Его словам противоречил взгляд, сочащийся еще большим недоверием, нежели прежде. – Отличный выбор. Задание чрезвычайно ответственное, но, если кто с ним и справится, так это молодой Краулер. Его отец оказывал Клану поистине неоценимые услуги...

«Впрочем, – подумал альбинос, – этот тип не так уж и плох...»

– Благодарю, – сказал он. – Постараюсь оправдать доверие Клана... И всей расы вампиров.

– СТАРАТЬСЯ не нужно, нужно ДЕЛАТЬ, – назидательно промолвил Магистр.

«Нет, он все-таки урод». Лео взглянул на Огастуса. В фильме эта фраза принадлежала Йоде. Глава Клана Гирудо пожал миниатюрными плечами.

– Ну да, само собой, – раздраженно признал Краулер, и не удержался, чтобы не связать: – Я каждую неделю занимаюсь поиском пропавших реликвий.

Поглядев на физиономию Адагимонуса – неподвижную, точно кусок гранита, но ставшую еще более угловатой, – альбинос поспешил прикусить язык. Излишняя болтливость и прежде служила причиной различного рода проблем.

Мгновением позже Леонард смекнул, что теперь ему бояться нечего: на время расследования он неприкосновенен. В случае, если Череп каким-то образом найдется (Краулер верил, что это будет чудом, причастностью к которому он похвалиться не сможет – вампир не спешил принимать на веру «незаурядные способности»), о заслугах сыщика перед расой кровососов будет осведомлен, по крайней мере, ограниченный круг лиц. Ну а если НЕ найдется... В этом случае злопамятность отдельно взятого субъекта уже не имеет значения.

Однако, момент был упущен. Запах тления, как обычно, приказывал держаться настороже.

– Паясничаете?... – невозмутимо осведомился Магистр. – Это хороший признак. Значит, вы полны боевого азарта. Для того, чтобы святыня вернулась, а преступников настигло возмездие, я готов предоставить любую посильную помощь.

Альбинос непроизвольно потянулся к карману. Нет, «подателю сего» на месте. У Лео возник соблазн запросить пинту крови – посильное, в конце концов, вложение. Но шутку оценили бы лишь двое, и Огастус точно не стал бы смеяться.

⁴ Которое и в половину не так хорошо, как рекламная компания, поэтому многих модников ожидал большой сюрприз.

– Благодарю. Буду иметь вас в виду. В смысле, – поправился Краулер, – ваше предложение.

Адагимонус снисходительно кивнул. Если дискуссия и была для него неприятна, он этого ничем не выдал. Похоже, старик ожидал, когда собеседник наконец соизволит освободить кресло. Да и вообще – весь кабинет.

Альбинос бы остался, чтобы поболтать с Великим Магистром (далеко не часто выпадала такая возможность), но беседа, судя по всему, подошла к завершению.

Дверь ведь открылась.

– Что ж, с вашего позволения, господин... – Лео поглядел на Огастуса и поднялся с кресла. – Я, пожалуй, пойду. Если, конечно, у вас нет других планов.

– Ступай, – разрешил Магистр. – Надеюсь, ты сделал соответствующие выводы. Не мешкая, принимайся за дело. И загляни, будь добр, на место... преступления. Доктринус тебя ждет. – Огастус устало повел рукой, словно отмахивался от всех неприятностей. – Я на тебя рассчитываю. Удачи, юноша.

«Юноша», которому шел уже сто двадцать первый год, поклонился и направился к двери.

Отрезок пути, насыщенный светом и ладаном, он постарался пройти как можно быстрее. Когда тяжелая дверь захлопнулась за спиной, Краулер испустил вздох облегчения. Возможно, со стороны он и казался молодцом, но эти минуты дались ему нелегко. Слишком много информации, и много тревог.

Прежде всего, все было слишком неожиданно. Явившись в Цитадель, альбинос полагал, что речь идет о каком-то нелепом розыгрыше. В определенном смысле так и оказалось. Самый дурацкий розыгрыш, в каком только Лео доводилось участвовать. Поиск пропавшей реликвии? Никто с этим не справился лучше?!. «Я вас умоляю». Еще вчера он мучительно раздумывал, чем бы заняться, причем перечень был весьма ограничен – обход клубов, переходящий в поиск подружки (или же поиск, переходящий в обход – разницу заметить трудно), утоление жажды, либо общение с братьями из Клана, каковое, по обыкновению, перейдет в обход клубов. Но сегодня выяснилось, что Краулер слишком занят для всех этих глупостей... Занят, как никогда.

Отчасти это было приятно. Самоуважение поднялось высоко-высоко, но там его ожидало бремя ответственности. От столкновения этих двух сил у альбиноса потемнело в глазах. Переводя дыхание, он прислонился к стене.

Во время разговора с Магистром он уподобился спринтеру, бьющему рекорд на пятикилометровой дистанции. Остановок делать нельзя, потому как заглохнешь. Сперва открылось второе дыхание, затем – третье. Новизна происходящего была как-то смазана, не особо контрастна, будто бы в кресле сидел не Лео Краулер. Следовало держаться и бежать вперед, об остальном думать опосля.

Но сейчас смысл произошедшего дошел до альбиноса со всей сокрушительной мощью, срывая барьеры и защитные фильтры. Отчетливо, контрастно. От всего этого Лео едва не вырвало. Он нагнулся, но позывы прошли так же внезапно. Пустому желудку нет дела, что там творится в голове.

Час (или больше?) назад он был просто последним в роду Краулеров, не занятым никакой «общественно полезной деятельностью». А теперь ему предстоит задание, переоценить важность которого было весьма затруднительно. Сам Огастус сказал, что рассчитывает на него. Теперь деваться некуда.

Что ж, в какой-то мере это было справедливо. Альбинос всегда знал, что его ждут Великие Дела. Не исключено, это даже Судьба. Более чем вероятно.

«Ожидания всей расы вампиров... Нет, стоп». Лео понял, что его понесло не в ту сторону, и мотнул головой, стараясь выбросить эти мысли из головы. Расе вампиров, в сущно-

сти, до него дела не больше, чем до Казиуса, сторожащего врата Цитадели. Впрочем, персона Казиуса внушала опасения многим.

Маловероятно, что вопрос стоял о спасении расы. Или все-таки стоял?.. Существует ли возможность того, что кто-то и впрямь пытается разбудить древние силы, тающиеся внутри артефактов, и что это самое Могущество несет столь страшную угрозу, как утверждал Магистр?.. В любом случае, Краулер считал, что роль спасителя – не для него. Даже Казиус представлялся более удачной кандидатурой. Он мог воспользоваться помощью сиамского близнеца, ракетной установкой «земля-воздух-земля», либо, когда дело примет совсем худой оборот, применить оружие воистину массового поражения – свое обаяние.

Альбинос попытался сфокусировать мысленный поток на чем-то определенном. Следовало браться за дело, потому как время не ждет. Нельзя исключать, что в этот самый момент, быть может, похититель пытается активировать Череп... Или пытается вервольфов на предмет их доморощенной Лапы.

Требовалось с чего-то начать... Леонард вспомнил, что Огастус просил «заглянуть на место преступления». Мол, Доктринус уже где-то дожидается.

Краулер отнюдь не разделял того мнения, что осмотр места преступления – неотъемлемая часть любого, мало-мальски пристойного расследования. Ему совершенно не хотелось спускаться в Зал Заледеневшей Вечности. Да и что, собственно, там можно обнаружить интересного?! Альбинос бывал в мрачном Зале не раз. Эти бдения нагоняли на него тоску. «Ах да – ТРУП...»

Укрепив решимость (поистине ветхое строение, грозившее рухнуть в любое мгновение) парой ненадежных аргументов, Лео двинулся к лестнице. Он по-прежнему чувствовал слабость, но головокружение отпустило, а желудок уже не предъявлял ультиматумы. Однако, спускаясь по ступеням, Краулер не решился рисковать, и подстраховал себя перилами. К счастью, холл пустовал – даже Казиус куда-то подевался, – и за неловкими перемещениями вампира следили только два собрата, по-прежнему висящие под потолком вниз головами.

Когда лестница осталась позади, альбинос ощутил, что силы возвращаются к нему со стремительностью налогового инспектора, позабывшего вручить повестку. То ли кровь поднялась до головы и омыла мозг потоком гемоглобина, то ли Лео наконец удосужился сосредоточиться на происходящем – как бы там ни было, наблюдение оказалось весьма и весьма любопытным.

Сперва Краулер не придал значения этому обстоятельству (ввиду заинтересованности целью визита): Цитадель была пуста. Это подтверждало то, что Огастус не лукавил – факт похищения святыни хранился в строгой тайне (по крайней мере, до определенного момента). В противном случае обитель Клана была бы битком-набита вампирами и гудела, точно расстроенный улей. Но в Цитадели царили тишина и спокойствие, накрытые пуховой периной столетий.

Если бы слухи о краже просочились за пределы «ограниченного круга лиц», все было бы иначе. Упыри и Вурдалаки наверняка приперлись бы в Цитадель, чтобы возмутиться неслыханной халатностью Гирудо, а также, несомненно, позлорадствовать. Когда один из Кланов садился в лужу, другие затевали праздник. Хотя, возможно, исчезновение Черепа стало бы исключением.

Тишина и покой объяснялись той банальной предпосылкой, что еще слишком рано. По вампирским меркам, конечно. Кровососы просыпались, поднимались из гробов, и, приведя себя в порядок, отправлялись на охоту. Напившись крови, они начнут собираться в Цитадели ближе к утру, чтобы неспешно выкурить сигарету/сигару/трубку и обменяться свежими сплетнями.

Поэтому альбинос ничуть не опасался, что кто-то помешает ему провести необходимые следственные мероприятия, как то: осмотр места событий, опрос свидетелей, и... вроде

бы, поиск улик, хотя насчет этого Лео не был уверен. Он припомнил, что в оный поиск входили столь малопривлекательные занятия, как 1) изучение, при помощи лупы, каждого сантиметра холодного пола – на предмет следов похитителя, волос, нитей одежды и перхоти; 2) распыление по всем доступным поверхностям серого порошка, способного выявить отпечатки пальцев; 3) вскрытие Титуса с извлечением из-под ногтей всей грязи – не исключено, это ДНК убийцы. И тому подобное.

«Неужели папа занимался такой мерзостью?..»

Чем больше Краулер об этом думал, тем шире простирался горизонт уныния. Предстоит изведать еще многие дали, так что рано отчаиваться. В конце концов, альбинос не считал, что обязан заниматься мелочами вроде выколупывания грязи, – сие занятие не для его мощного ума, привыкшего мыслить глобально. Если какие улики и нашлись, их должны представить с полными аналитическими выкладками... Лишь так закладывался фундамент грядущего расследования.

Лео взводил себя, словно пружину, готовясь дать оппор любому умнику, кто вздумает противиться «уполномоченному лицу», вооруженному такой смертоносной бумажкой, как «подателю сего». Гнев Клана Гирудо – не шутки...

Пересекая холл, Краулер нарочито игнорировал летучих мышей. Его туфли, соприкасаясь с мраморной поверхностью пола, производили слишком много шума. Звук шагов взлетал под самый свод, терявшийся в ночной темноте. Альбинос старался ступать тише, но все его попытки ни к чему не привели. Кроме того, не следовало переходить ту зыбкую грань, за которой «идти» сменяло «красться». Ведь формально он находился у себя дома. Не в том доме, где можно расслабиться и побездельничать, а в древней обители своих бесчисленных предков (трудившихся, согласно общепринятым данным, не покладая рук), под их недремлющим оком (что крайне отдаленно напоминало заботливый присмотр, будучи скорее надзором вышестоящей инстанции). Он ведь не вор, пришедший, чтобы похитить реликвию, а как раз НАОБОРОТ, верно?.. Предки должны им гордиться. Поэтому красться не стоило.

В черном, блестящем мраморе Лео видел свое отражение. Иногда ему казалось, будто это вовсе не пол, а тонкий лед, готовый дать трещину. Временами Краулер гадал, что окажется под ним. Твари из других измерений, предки, взалкавшие его крови, или он сам, Леонард Краулер. Иногда же ему казалось, что это не пол, не лед, а гигантское обсидиановое зеркало. Такую мысль, однако, разделяли многие. Черное зеркало отнюдь не всегда отражало то, что, согласно законам физики, ему полагалось отражать. Зато, как ни странно, порой отражало существ и предметы, каковых НАД полом не наблюдалось.

Альбинос усердно искал такое видение, втайне рассчитывая, что оно подскажет ответ, и, если не продемонстрирует лицо вора/убийцы, то, хотя бы, даст намек, где его искать. Увы. Старанья были тщетными. Лео увидел лишь себя самого. А он мог поручиться, что ничего сегодня (точнее, вчера) без спросу не брал. Тем более не покусился бы на столь отвратную вещь, как Череп Гозалдуса.

Наконец холл, со всей его необъятной высотой, торжественностью и загадками остался позади. Краулер прошел в боковой, наименее заметный коридор. Черный проем жадно поглотил одинокую фигуру. Вампир смело шагнул вперед, ничуть не нуждаясь в освещении. Коридор был выдержан в той же стилистической гамме, что и прочее убранство Цитадели. Дубовые панели, гобелены. Разве что смысловое содержание барельефов было ощутимо мрачнее. Падение Империи, костры Средневековья, бойня в Южной Америке (конкистадоры, истребляющие под чутким руководством вампиров целые народы). Один барельеф изображал самого Гозалдуса, стоящего над простертыми ниц рабами, и отчего-то держащего собственную голову на вытянутых руках. На другом «полотне», сравнительно свежем, а потому представленном практически в формате комикса, демонстрировались бесчинства небезызвестного Влада Цепеша Дракулы, привлечшего к ночному племени чересчур много

внимания. За что, собственно, был осужден и наказан. На последнем фрагменте красовался мистер Стокер, зачисляемый в Клан Гирудо (сие было проделано для того, чтобы писатель держал рот на замке).

Миновав все эти «веселые картинки», альбинос уперся в стену, каковая показалась бы непосвященному глухой и незыблемой. Деревянная панель, не выделяющаяся из ряда других. На первый взгляд – полноценный тупик, сооруженный лишь для того, чтобы сюда снесли мозолившие глаза барельефы, избавиться от которых не поднималась рука. Имелась даже зеленая лампа, как в кинотеатре, с содержательной надписью «выхода нет, и не будет». Сейчас она не горела. Что совершенно не сказалось на наличии выхода.

Лео вдавил потайную кнопку, представленную в виде головы аборигена, каковую конкистадор преподносил на подносе Черному Кардиналу. Скрытый механизм пришел в действие, открывая доступ в Зал Заледеневшей Вечности. Дверь бесшумно отъехала в сторону. Из темного проема на Краулера привычно дохнуло сыростью, затхлостью и холодом. Сама дверь была непозволительно, преступно прочна. За дубовой панелью, игравшей роль маскировки, скрывались несколько дюймов высокоуглеродистой стали. Если в Цитадель попадет ядерная бомба, стены исчезнут, а дверь останется стоять.

Уже сделав шаг за порог, альбинос обернулся. Под потолком коридора крепилась камера видео-наблюдения. Похоже, исправная, и НЕ похоже, что новая. Красный диод бодро подмигивал. Это следовало взять на заметку.

Лео продолжил путь. Дверь, скользя по смазанным полозьям, запечатала проем. Мрак сомкнулся вокруг непроницаемым саркофагом, плотный и липкий, будто сгущенное молоко. Тьма столь редкого – высшего – сорта, по своему обыкновению, собирается в различного рода подземельях, склепах, капищах и прочих местах, посещения которых доставляют удовольствие лишь ограниченному кругу лиц. Но в Зале мрак был еще более жутким – обладая собственной атмосферой, не встречающейся более нигде, он мог показаться, так сказать, эксклюзивным. ЭТА темнота целиком и полностью опровергла тот банальный постулат, что тьма – это просто отсутствие света. Казалось, зажгись в Зале прожектор, и мрак придушит иллюминацию в зародыше: разобьет стекло, просочится по проводу, а после, расправившись с генератором, даст по шее тому бедняге, кто додумался притащить сюда эту штуковину.

К таким выводам, рано или поздно, приходили все члены Клана Гирудо. Вампиры чувствовали натиск тьмы, ее ПРИСУТСТВИЕ. Она обитала здесь подобно тому, как старая кобра обирает в забытой пещере. И выжить ее из Зала было бы весьма проблематично, даже если бы освещение оказалось ОЧЕНЬ интенсивным. Присутствие света еще не означало отсутствие темноты. Вероятно, она отошла бы на дальние рубежи, а потом, перегруппировавшись, нанесла удар.

Однажды Краулер тоже это почувствовал. Во время дежурства, когда, листая «Playboy», вдруг понял, что он не один. Здешний мрак обладал нравом, и, возможно, разумом. Впрочем, ничего удивительного, – он так долго довольствовался собственным обществом, что ему пришлось поневоле развить некую ментальность. И тьмы стало гораздо больше, чем требуется для простого «темно».

Однако, невзирая на феноменальную природу означенной Темноты, альбинос неплохо в ней ориентировался. Различал, что его окружает, куда ставит ноги. По обе стороны находилась древняя кладка. Внизу – истертые ступени. Приходилось постоянно пригибаться, чтобы не стукнуться головой о один из каменных выступов – изнаночную сторону уже пройденных ступеней.

Вскоре (Лео ждал этого момента) узкий лаз исчерпал себя, приведя к обширному пространству, бывшему не столько просторным, сколько ГЛУБОКИМ. По левую руку тянулся неровный каменный монолит, по правую – форменная пропасть, не огороженная ни перилами, ни обычной веревкой. Кто-то прорубил ступени непосредственно в камне, ограничив-

шись полуметром в ширину. Центр каждой ступени имел ложбинку, протертую множеством ног, когда-либо на нее ступавшими. Галерея обвивала пещеру серпантинном, покуда не вывела к месту, где хранился Череп (во всяком случае, до недавних пор).

Краулеру же казалось, что у пропасти вовсе нет дна. Опровергая эти опасения, из тьмы выступали толстые туши колонн, протянувшиеся от потолка до – гипотетически – пола. Но их наличие альбиноса ничуть не утешало. Он лихорадочно гадал о том, успеет ли обернуться летучей мышью, когда нога соскользнет со ступени, или бездарно расшибется о дно колодца.

С каждой пройденной ступенью, с каждым витком серпантина мрак становился насыщенней. Сгущался, аккумулировался, концентрировался. Бледные, верхние слои наслаивались на нижние, темнели – подобно тому, как нарастает давление по мере приближения океанского дна. Это не могло не устрашать.

Когда спуск подходил к концу, Лео увидел внизу тусклый свет. Темнота нависла над бледным пятнышком незыблемым куполом. Черные клубящиеся тени взяли свет в кольцо, и, казалось, несколько надменно изучали диковину, решая, насколько жестоко с ней обойтись. Рядом с источником освещения, пока неопознанным, Краулер разглядел хрупкую согбенную фигуру.

Неожиданно он почувствовал себя неудобно. Альбинос НИКОГДА не чувствовал себя в Зале особенно комфортно, но сейчас чувство было иным, и неожиданно сильным. Прежде он побаивался этого места, но не испытывал явной угрозы, справедливо полагая, что, ежели Зал Заледеневшей Вечности не слишком приветливо относился к вампирам, то посторонним подавно вход запрещен. В свете же недавних событий эта теория подверглась коренному пересмотру. Кто-то проник сюда, как к себе домой, убил Титуса, и забрал Череп. Значит, это может повториться. А Зал навсегда утратил для Лео ощущение защиты.

Узрев, что его мучения подходят к концу, Краулер ускорил шаг. Наконец последние ступени остались позади, и альбинос шагнул на гладкий каменный пол, вознеся благодарственную молитву сонму вампирских богов.⁵

Согбенная фигура поднялась на ноги. Поглядев на «уполномоченного», Доктринус вяло кивнул.

Его личное дело могло бы содержать:

«Доктринус, вампир, член Клана Гирудо с 1723 года.

Род занятий – см. Доступ для Магистров и прочих уполномоченных лиц.

Личностные ориентиры – скрытность, трудолюбие, компетентность, процветание Клана.

Характер – скверный.

Не женат».

Он был тем же типом. Тощий, с жилистыми руками, напоминающими цепкие паучьи лапки, и длинным острым носом, на котором постоянно болтались круглые очки с толстыми линзами (ходил слух, что нужды в оптике Доктринус не испытывал, и носил ее исключительно для стиля). Род деятельности вампира оставлял обширное пространство для домыслов. По официальной версии его должность именовалась как «смотритель Цитадели», но на деле все обстояло намного сложнее. Доктринус занимался всем, что, по мнению Великого Магистра, относилось к «высоким технологиям» (перечень был довольно широк – начиная алхимией, и заканчивая «этими странными штуковинами, способными считать быстрее, чем

⁵ На самом деле вампиры не очень-то религиозны, но прожитые столетия приучили их не отвергать какое-либо допущение на том лишь основании, что подтвердить его не представлялось возможным. Более того, они считали, что отдельное божество для каждого подходящего случая (как, например, плохая погода, или даже развязавшийся шнурок) – не такая уж плохая идея. Но зловещие ритуалы, скажем, в честь Незримого Шуб-Саррагота, Парящего Во Мраке Хаоса, проводятся исключительно по желанию верующих... Очень и очень нечасто.

миллион людей, вооруженных канцелярскими счетами»). В определенной мере он отвечал за безопасность, вот только определить эту меру еще никому не удалось.

Согласно популярным домыслам, Доктринус единолично представлял в Цитадели «секретный отдел», что во все времена занимался одним и тем же: сбор информации, аналитическая работа, проверка кадров, и все в таком роде. В свете этого Лео ничуть не удивился, узнав, что именно Доктринус «ожидает на месте преступления». Не удивился он и тому, что расследованием займется не «секретный отдел», а он, последний из живущих Краулеров. Собственно, этому не удивился бы никто, кто когда-либо удостоивался чести лицеизреть Доктринуса воочию – уж очень... странная была картина.

– Привет. – Альбинос пожал костлявую, слегка влажную руку. – Ну, и в чем дело?..

Доктринус пожал плечами. Мол, попробуй догадайся.

Леонард огляделся. Источником света служил гибрид, непостижимо соединивший, по замыслу китайских конструкторов, радиоприемник, кассетник, и, собственно лампу. Штуковина казалась совершенно неуместной в Зале, точно обрывок странного сна. На пол и колонны ложился мертвенный свет.

Ложился он и на древний алтарь, покрытый вязью иероглифов, пристальное изучение коих вызывало рвотные позывы, а также твердую убежденность в том, что наверху начался грандиозный праздник. Свет забирался выше, по мере того, как по каменной поверхности, словно на зловещий, святотатственный Эверест, поднимался взгляд Краулера. А там, на вершине, обнаружилось нечто, чему, несомненно, там самое место. Это было так ПРАВИЛЬНО...

...Что сперва вампир не придал значения увиденному. Он наблюдал это долгие годы, и образ вьелся в память так крепко, что вытравить его оттуда не представлялось возможным. Разум навсегда уверился, что ТАК будет впредь. Поэтому альбинос едва не отвернулся, сочтя это не самой важной деталью.

А потом, когда значение увиденного наконец дошло до рассудка, из глотки Леонарда едва не вырвался удивленный, протестующий вопль. Он видел, конечно же, галлюцинацию. Обман зрения. Свет отразился от стен, и образовал эту невероятную, невозможную иллюзию, которой не МОГЛО здесь быть!..

На пьедестале лежал Череп Гозалдуса. Предмет, способный занять 1-е место в перечне «Самые гнусные мерзости последних десяти тысяч лет». Один лишь вид артефакта казался безумным кошунством по отношению ко всем формам жизни, и это если не учитывать дикую энергию, заточенную в черепной коробке.

Кости, превратившиеся в камень, покрывала ветошь сухой, сморщенной кожи. Из пасти торчали два огромных, чудовищных клыка, какими не мог похвалиться ни один живущий вампир. Глазницы чернели колодцами самой Преисподней.

Казалось бы, ничего особенного (для египтолога), но проступало что-то в этих пропорциях, форме... Что-то, наводящее на мысли о хтонических мирах, заполненных некро-энергией, и нежити, питающей беспредельную ненависть ко всякой плоти. Череп служил если не дверью, то форточкой в это царство кошмара. Путеводной нитью для мертворожденной ненависти, вьющейся в старые кости. Еще чуть-чуть, и она пробьется наружу, хлынет бурным потоком...

Поистине мерзейшая мощь. Безумие и гениальность в одном гадком флаконе.

– Это, это, – запинаясь, выговорил Краулер. – Что ЭТО?!

– Это?.. – Доктринус небрежно взглянул на алтарь. – Череп. Реликвия Клана.

– Откуда он взялся?.. – вскричал «уполномоченный», едва не срываясь на истерический визг. – Здесь, в Зале? Разве его не похитили, или я чего-то не понимаю?!.

На секунду ему вновь показалось, что происходящее – все-таки розыгрыш, в котором замешан сам Огастус. Лишь на мгновение. Магистр не вязался с юмором. Он сам был ходячим юмором, гротеском на кровососущую природу.

Тем не менее, альбинос решил, что ни за что не расстанется с «подателю сего».

– Похитили, – кивнул Доктринус. – Это муляж, подделка. Держим отличную мину при плохой игре. Чтобы Огастус мог сказать, будто в Багдаде все по-прежнему спокойно. Дежурства по графику, но никто не должен ни о чем догадаться.

«Муляж?..» – Леонард повертел странную мысль так и эдак. Раскусил. Весьма странный вкус. Ему и в голову не могло прийти, что артефакт можно подделать, точно картину или деньги. Впрочем, прежде в том не возникало нужды.

И, очевидно, НАПРАСНО.

Краулер присмотрелся и понял, что Череп действительно не настоящий. Обнаружить несоответствия не представляло большого труда. Каркасом изделия, судя по всему, послужила обожженная глина. Лохмотья кожи заменили настоящие лохмотья – лоскуты ткани, покрашенные в соответствующий цвет, и приклеенные, не иначе, канцелярским клеем. Зубы... Что ж, их вырезали из дерева. В целом, однако, муляж смотрелся вполне натурально. Масштаб и пропорции выдержаны безукоризненно, чувствовалась рука мастера.

– Да у тебя талант, – вырвалось у альбиноса.

– Я – долбаный гений, – самодовольно отвечивал Доктринус. – Три часа ковырялся.

– И все же, я ВИЖУ разницу, – добавил Лео, чтобы собеседник не возмнил о себе слишком много. – Если присмотреться. Левый клык, и кожа на щеке...

На самом деле он придирался – подделка была превосходной, и увидеть отличия позволяло лишь то, что Краулер видел реликвию тысячи раз. Но главным фактором, разоблачающим фальшивку, было не исполнение, а то, что находилось на принципиально ином уровне чувств. Альбинос прислушался к себе, сознавая, что не ощущает того ментального напора, исходящего от Черепа, – настоящего Черепа. Мрачная аура силы, окутывавшая артефакт, исчезла, словно ее и не было. Сознание уже не терзали колючки враждебной энергии.

В какой-то мере так даже лучше, и многие неофициально бы это признали. Однако, это НЕ настоящая реликвия, сколь бы плохой та ни была. А значит, подделки не помогут. Они требовались лишь для отвода глаз юным вампирам.

– Видишь разницу? – усмехнулся Доктринус. – Скажи-ка, а ты увидел ее ДО того, как я тебя просветил, или ПОСЛЕ?! Это крайне важная деталь, учти.

Леонард пожал плечами.

– Ты заметил разницу лишь потому, – продолжил тощий субъект, – что ЗНАЛ о ложной сути объекта. И тогда ничтожные неточности бросились в глаза. Как и мне, ее создателю. Остальным и в голову не придет, что Череп – муляж. Как обычно, они ограничатся небрежным взглядом. Вот ты начал бы рассматривать предмет, который, согласно обманчивому впечатлению, видел столько раз, что уже тошнит? Вряд ли. Непосвященный не раскроет обман, уверяю.

– Ладно, ты прав, – признал Краулер, не желая вступать в спор, грозящий перерасти в полемику о сюрреализме в современном искусстве. Только не с Доктринусом. Альбинос неожиданно понял, что собеседник одет в футболку с надписью «Theatres des vampires», и – о ужас! – драные джинсы. Определенно, Доктринус служил карикатурой на утонченный, предельно эротичный вампирский род.

Судя же по манере держаться, очкарик мнил себя воплощением стиля.

– Разумеется, я прав, – кивнул он.

– М-да. Так где, говоришь, бедный Титус?.. – Лео огляделся в поисках трупа.

– Вот. – Доктринус отступил в сторону. – Точнее, не труп, а место, где он лежал.

Каменный пол покрывал причудливый рисунок. Если приглядеться, в нем можно было различить очертания человеческого/вампирского тела – раскиданные в стороны конечности, голова, туловище. Словно брошенная за ненадобностью кукла – марионетка, у которой безжалостно срезали нити. Контуры на скорую руку обведены мелом. Рисунок был весьма грубым, но сам факт злодеяния, казалось, стремился вырваться за пределы этой посредственности. Краулер прислушался к гласу белых линий, но ничего не разобрал.

Разумеется, ему хотелось бы взглянуть на САМО ТЕЛО, а не его ксерокопию.

– Кто разрешил перемещать тело?.. – поинтересовался альбинос, припомнив, что в фильмах следователи в первую очередь спрашивали именно это.

– Огастус, – не медля ни секунды, ответил Доктринус. – Мастер велел мне перенести труп в лабораторию, потому как негоже, чтобы мертвый собрат лежал здесь, на полу, точно непотребный мусор. Поглядеть на него ты сможешь и потом.

– Ты перенес его самостоятельно? – Лео смерил subtilного субъекта взглядом.

– Ага. Титус значительно сбросил в весе. – Доктринус издал мерзкий смешок.

– Как его убили?

Собеседник переменялся в лице.

– Его... осушили, – помедлив, ответил он. Впервые с начала разговора он выглядел смущенным.

– Вот как? Любопытно. – Услышанное Краулера не на шутку озадачило.

Порой вампиры прибегали к каннибализму, поглощая кровь сородичей, но это случалось чрезвычайно редко. Говорили, будто это на редкость изысканная пища, но если источниками оных слухов служили каннибалы, получить сведения из первых рук не представлялось возможным. Того, кто посмеет вкусить крови собрата, ожидала страшная смерть. Этот закон был древним, как сама раса вампиров, и исполнялся неукоснительно. Поэтому «гурманы» держали свои трапезы в строжайшей тайне, и тщательно заматали следы.

Последний случай, когда в каннибализме был уличен один из Гирудо, имел место пару столетий тому назад. Упыри и Вурдалаки попадались значительно чаще.

– Значит, все-таки вампир, – подытожив свои рассуждения, произнес альбинос. – Я был прав. Эти ублюдки, наши родственнички... Но как они посмели?!.

– Я, на твоём месте, не спешил бы с выводами. Вначале следует взглянуть на тело, – посоветовал Доктринус. – И ты получишь ответы если не на ВСЕ вопросы, то, по крайней мере, на часть. Общая картина ощутимо прояснится. СЕЙЧАС я не хотел бы обсуждать эту тему – без объяснения причин.

Лео понимающе кивнул. Очкарик оказался не таким сухарем, как он думал. Вероятно, Доктринусу тяжело говорить о случившемся. И его можно понять. Столь неприглядная мерзость, как каннибализм, да еще в отношении собрата по Клану... Титус не пользовался большой популярностью, но он, как ни крути, являлся Гирудо. Убийца будет найден и понесет достойную кару.

Пытаясь уверить в этом самого себя, Краулер подошел к лампе, присел на корточки, и, не сознавая зачем, щелкнул тумблером, пытаясь включить радио. Древние каменные своды угнетали одним своим видом, а темнота, бурлящая за пределами светового круга, форсировала передовые рубежи. Немного ритмов в духе «Latino» или «сука-любовь» могли разрядить обстановку.

Но в ответ раздалось лишь шипение. «FM» диапазон остался наверху, в другом тысячелетии.

– Слишком глубоко, – пояснил Доктринус. – Мы изолированы от прочего мира.

Данное заявление никак не располагало к тому, чтобы хоть немного приободриться. Альбинос затравленно огляделся. Как было и прежде, ему показалось, что своды Зала начинают сближаться, словно гидравлический пресс. В сравнении с этой неторопливой мощью,

каждому дюйму которой решительно плевать на внешний мир, вампиры казались ничтожными букашками – секундами, оставшимися незамеченными в безбрежном океане Вечности...

– Скажи, – начал Леонард (не для того, чтобы завязать беседу, но чтобы нарушить молчание, становившееся невыносимым), – тебе не... страшно было здесь, одному?..

– Страшно?.. – Доктринус пренебрежительно хмыкнул. – Нет. Это самое сердце нашей обители, и уж если где-то вампир может чувствовать защищенность, так только здесь. Кроме того, преступник провернул все, что хотел, и СЮДА не вернется. Это наиболее безопасное место во всей Цитадели.

– А как насчет того, что все злодеи возвращаются на место преступления?..

– Возвращаются, но лишь тогда, когда там еще осталось, на что поглядеть. А в нашем случае, как ты понимаешь, дела обстоят по-другому. – Усмехнувшись, Доктринус обвел рукой мрачные стены. – Если, конечно, вор – не фанат «Баек из склепа».

Краулер подавленно кивнул. Он уже пожалел, что задал сперва один нелепый вопрос, и, вслед за тем, еще более глупый. Требовалось поскорее исправить положение. Продемонстрировать, что сам-то он ничуть не испуган, и более Доктринуса осведомлен насчет повадок «расхитителя гробниц обыкновенного».

«Как, в таких ситуациях, поступают великие сыщики? – спросил себя альбинос. – Ах да, бродят кругами, и, состроив умную мину, рассказывают о том, ЧТО случилось. Что же, собственно, случилось У НАС?..» Посмотрев на белый контур, каковым обвели тело Титуса, Лео не испытал ничего, кроме досады.

К своду крепились металлические жердочки, предназначенные для тех стражей, кто не читает «Playboy» – дабы летучие мыши, уцепившись коготками, могли спокойно свисать вниз головами... «Судя по всему, – думал Краулер, – Титус что-то увидел или услышал, спикировал к полу, где...»

Тут альбинос с удивлением обнаружил, что Доктринус развернулся, и, не дожидаясь, пока «уполномоченный» покончит с осмотром, двинулся к лестнице.

– Эй, ты куда?..

– Туда, – невозмутимо откликнулся Доктринус, ткнув пальцем в потолок. – Полагаю, мы здесь все осмотрели. Лично я не намерен тратить время сверх необходимого.

Леонард, мягко говоря, был озадачен столь небрежным отношением к собственной персоне (ведь сам Огастус признал его компетентность!..), а потому, вероятно, ответил чуть более раздраженно и резко, чем следовало бы:

– Что значит «осмотрели»?!. Разве ты не собираешься рассыпать вокруг магнитный порошок, и ползать по полу в поисках упавшего с преступника волоска?.. – со всей строгостью, на какую был способен, осведомился Краулер.

Доктринус поглядел на него, как на полоумного.

– А может, мне здесь все хорошенько пропылесосить, а потом изучить образцы под микроскопом?! – самым неприемлемым тоном огрызнулся очкарик. – Нет уж. Это НЕ входит в мои обязанности. Если угодно, ползай по полу сам.

Вампир невозмутимо ступил на лестницу.

Альбинос открыл было рот, чтобы осадить наглеца, но в последнюю секунду прикусил язык. Внезапно до него дошло, как же здесь тихо. А эти тени... Леонарда преследовало чувство, будто за колоннами, во Тьме притаился голодный каннибал. Впрочем, теней было достаточно, чтобы в них уместилась целая рота каннибалов, только и ждущих момента, чтобы вцепиться в глотку.

Краулер понял, что также не испытывает ни малейшего желания находиться в Зале Заледеневшей Вечности «сверх необходимого». Подхватив лампу, он бросился нагонять Доктринуса. К счастью, тот не успел уйти далеко.

Серпантин лестницы они преодолели в молчании. Альбинос светил приемником.

Очкарик сразу же направился в правое крыло Цитадели, не удостоив вниманием бродившего по холлу Казиуса. Судя по тому, какую рожу скривил привратник, они с «секретным отделом» состояли отнюдь не в лучших отношениях (о чем Лео даже не догадывался). Огастус руководствовался в политике заветами более старшего Цезаря, и более младшего Макиавелли. «Разделяй и властвуй», или «сохрани в тайне, что говоришь сам, и сбереги Череп»⁶.

Пройдя несколькими коридорами, они поднялись по узкой деревянной лестнице, и оказались у металлической двери, оснащенной, к удивлению Краулера, сканером сетчатки. Каковым, собственно, Доктринус не замедлил воспользоваться. Что-то лязгнуло, и дверь приоткрылась. Вампиры вошли.

Альбинос с любопытством огляделся. Вне сомнений, это была лаборатория. Она же – секретный отдел. Сюда допускались лишь избранные – к числу коих, разумеется, относились «уполномоченные», – а потому Леонард впервые переступал этот порог. Он всегда был готов расширить кругозор, а потому голова его вращалась, точно на шарнире, из стороны в сторону. Куда охотнее Краулер расширил бы кругозор коллекцией «Versace», но выбирать не приходилось.

Помещение было довольно просторным, с высоким потолком, на котором кое-где темнели разноцветные пятна. Оные кляксы альбинос нашел несколькими, и, ввиду туманности происхождения, более чем подозрительными (если не учитывать такую теорию, как безобидное занятие абстрактной живописью – путем нанесения краски под давлением в шесть атмосфер). В южной стене располагались три узких, наглухо тонированных стрельчатых окна. По всей видимости, Доктринус мог не прекращать свою деятельность и в разгар светового дня, не подвергая риску здоровье и психику.

Чем же, собственно, он занимался? Говорят, что по жилью или рабочему месту субъекта, при известном умении можно составить более-менее цельный портрет его личности. По лаборатории Доктринуса можно составить, как минимум, дюжину таких портретов, и каждый был бы ничуть не похож на другие, хотя представлял бы личность неординарную, и, как говорится, «с приветом».

Леонард изумленно глядел на бесконечные стеллажи, забитые какими-то моделями, чертежами и емкостями, на лабораторные столы и алхимическое оборудование; на чучела животных и столярные инструменты... Здесь было столько ценных вещей, равно как и жуткого хлама, что сомневаться не приходилось: все это оседало здесь на протяжении столетий, подобно пыли, покрывающей крышку гроба в древнем склепе. Комната производила впечатление лаборатории безумного ученого (из фильма о оживлении трупов с криками «Оно живет, живет!»). «Хотя, – поймал себя Краулер, – почему «производит»?.. В какой-то мере помещение таковым и являлось...»

Альбинос и не подозревал, что в Цитадели, оказывается, имеет место настоящий музей странных штук. Он-то думал, что главная мерзость – Череп Гозалдуса, каковой, впрочем, Клан также лишился. Но лаборатория трещала от обилия причудливого вида экспонатов. Здесь были миниатюрные макеты летательных аппаратов, использующих экологически-чистую, хотя и утомительную мускульную силу «аэронавта»; крохотные батискафы, предназначенные для погружений (Лео был бы рад ошибиться)... летучих мышей; глиняные фигурки каких-то существ: наполовину рыб, наполовину людей; набор осиновых колец с пометкой «special edition»; полдюжины белых черепов, среди которых, к сожалению, ни одного, принадлежавшего Гозалдусу; человеческие органы в стеклянных сосудах; зародыши людей и вампиров; чучело огромного аллигатора, подвешенное под потолком; компьютеры,

⁶ Данное высказывание содержится в тайном труде «Размышления о природе и будущем расы вампиров».

окруженные химическим оборудованием, и, казалось, напрямую подключенные ко всем этим ретортам, колбам и змеевикам. Один из перегонных кубов явно пахивал спиртом. Но на эту слабость Доктринуса Краулер решил милостиво закрыть глаза. В конце концов, домашнее самогонование – исключительно в целях потребления, не сбыта, – не такая уж серьезная провинность.

На этом перечень диковинных, в высшей степени непонятных вещей отнюдь не исчерпывался, а, напротив, лишь начинался. Тем не менее, альбинос не считал, что у него достаточно сил изучить эту коллекцию до конца, и прийти к финишу в здравом рассудке. Поэтому он обратил внимание на библиотеку.

Здесь, судя по всему, хранилась личная подборка Доктринуса, а также то, что он позаимствовал из книгохранилища Цитадели (куда вампиры, за исключением Казиуса, заглядывали далеко не часто, а потому отделить достояние Клана от «личной подборки» очкарика представлялось проблематичным). Лео заметил такие опусы, как «Все, что вы хотели знать о некромантии, но боялись спросить», «Вампиризм для чайников», а также труд неизвестного Ван Хелсинга «Вампусоптономикон». В этой монографии поистине эпохального масштаба содержались все сведения о природе, социальной структуре и повадках вампиров (автор считал, что кровососы гораздо ближе к животным, нежели к человеку, что они опасны, и подлежат безоговорочному истреблению – с чем, естественно, вампиры не могли согласиться, и, в конечном итоге, конфликт воззрений сыграл роковую роль в судьбе охотника), которые Ван Хелсинг скопил за всю свою длительную практику. В книге имелось подробное описание всех Кланов, и – то самое, из-за чего вампиры многие десятилетия искали экземпляры ограниченного тиража, – имена и адреса всех кровососов, о которых охотник был осведомлен.

Краулер с трудом подавил желание снять толстенный том с полки, и, отыскав на «К» адрес фамильного поместья, под корешок вырвать страницу мерзкой книги. Доктринус бы не одобрил такого обращения с раритетным изданием.

На одном из столов лежали куски сырой глины и лоскуты материи – свидетельства фальсификации. Там же – фотоснимки Черепа с различных ракурсов.

Еще здесь было тело. Лежало на холодной металлической поверхности, предназначенной, если судить по желобкам, трубкам и пластмассовому ведру, исключительно для вскрытия трупов. Хотя, возможно, особо неряшливые особи не побрезговали бы на таком столе отобедать. Как бы там ни было, тело накрывала простынь, еще помнившая белизну. Характерные очертания проступали под тканью: голова, грудь, ноги. Альбинос отдавал себе полный отчет, что ничем другим, кроме как останками Титуса, лежащее на столе быть не могло. Если исходить из этого, молодой вампир сильно отощал после смерти. Почему-то Лео расхотелось заглядывать под покрывало. Однако, выбора не оставалось. Он уполномочен на спасение расы.

Почувствовав волнение гостя, Доктринус, точно издеваясь, не подал виду. Притворился, что спешить им некуда, а тело на столе – так, часть декора.

– Нравится?.. – спросил он. И, не дожидаясь ответа, ответил себе же: – Да, здесь клёво. Все, что может понадобиться мужчине для жизни. Я сам все обставил.

Краулер не думал, что это могло бы служить похвалой – пусть даже в собственный адрес.

– Да, весьма мило, – ответил он столь сухо, что почти почувствовал во рту вкус черствого хлеба. – Полагаю, нам следует приступить к осмотру... улики.

– А, служебное рвение? Похвально, похвально. – Очкарик улыбнулся. Альбинос заметил, что собеседник выпустил клыки. К чему бы?.. Какой-то странный намек, или его действительно возбуждала перспектива грядущего осмотра?..

Вампиры приблизились к столу и тому нечто, что скрывала простыня.

- Готов? – поинтересовался Доктринус, продолжая ухмыляться. – Будет страшно.
– Ну, – нетерпеливо буркнул Леонард.

Очкарик сдернул простыню, и выяснилось, что к ТАКОМУ Краулер оказался совершенно не готов. От неожиданности даже вскрикнул. К тому жуткому зрелищу, что предстало его глазам, не мог подготовить весь жизненный опыт. Альбинос не видел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало ЭТО, и не предполагал, что подобное возможно. Да, у реальности отменно поставлен удар. Не успел Лео опомниться от апперкота, как последовала другая комбинация.

Новая – более компактная, обезвоженная (и мертвая) – версия Титуса выглядела на редкость отталкивающе. Как ни странно, в первое мгновение Краулер думал о насекомых. Точнее – о коконах, лишенных, до последних капель, жизненной влаги. Кожа была серой и сморщенной. Мышцы исчезли, будто их и не было. Отовсюду неестественно, а потому безобразно торчали острые кости. Глазницы чернели мертвыми впадинами. Рот скалился в кошмарном оскале; в глотке торчал острый и твердый, словно жало, язык. Руки скрючились на груди, в отличие от ног – прямых, как палки. До альбиноса наконец дошло, как Доктринус смог дотащить труп до лаборатории – теперь Титус весил считанные килограммы. Обезвоженная плоть, кожа и кости.

Создавалось впечатление, что эта мумия пролежала в каком-то склепе не одно столетие. Мертвец особо долгой выдержки. И, напротив, не верилось, что еще несколько часов назад Титус излучал здоровье, силу, и готовность служить Гирудо до последней капли крови... В последнем-то он преуспел.

Лео отвернулся. Усилием воли пришлось подавить зарождавшуюся в желудке деятельность. Впрочем, вырвать могло одним только желудочным соком.

Очкарик скалился, наслаждаясь эффектом.

Краулер игнорировал его энтузиазм, и, поглядев на труп, сосредоточился.

– Гм... Я не вижу ни кола, ни ожогов от святой воды... Вообще никаких признаков убийства.

– Хочешь сказать, за исключением ТРУПА?... – вкрадчиво осведомился Доктринус.

«Ну да, конечно, – мысленно проворчал альбинос. – Одно маленькое «но». Умник...»

– Я уже говорил, что его осушили, – не дождавшись ответа, сказал очкарик.

– Верно, говорил, – кивнул Лео. – Но теперь я понимаю, что ты пошутил. Мне множество раз доводилось видеть тех, кого осушили, равно как и самому осуществлять такую процедуру. Те, из которых выпили всю кровь, совершенно не похожи на... ЭТО, – он окинул мумифицированные останки недоуменным взглядом. – Осушенные мертвецы выглядят куда жизнерадостнее.

Доктринус поглядел на стол, будто сверяя аргументы собеседника с собственным мнением.

– А разве то, что мы видим, похоже на убийство колом, или святой водой?..

В сознании Краулера всплыли жуткие картины, одна краше другой – осиновый кол, торчащий из груди живого, на первый взгляд, вампира; поток влаги, оставляющий ожоги, с регенерацией которых организм мог и не справиться.

– Нет. Вообще НИ НА ЧТО не похоже. Но технический прогресс, увы, не стоит на месте, и...

– Тем не менее, я отнюдь не шутил – Титуса осушили, – перебил Доктринус.

Альбинос с ужасом понял, что услышал чистую правду. Мысль о том, что некий Упырь или Вурдалак наделен такой властью, повергла Леонарда в шок.

Лишь увидев труп, он понял, почему Магистр отрицал причастность сородичей.

– Что за существо способно на ТАКОЕ?!.

Очкарик осклабился.

– Как ни странно, ты подобрал верное определение. Существо. Тварь, пришедшая из беспросветной тьмы тысячелетий. Убийца, какому нет равных...

Тут перед ними мелькнула какая-то юркая тень. Краулер вскрикнул и отпрянул. Сердце провалилось в желудок, а душа, если допустить ее наличие у кровососущих, ушла в пятки. Первое соображение было о убийце, вырвавшемся из плена тысячелетий исключительно ради того, чтобы предать его, Леонарда, столь же страшной смерти, как и беднягу Титуса. Нет, только не это!..

– Эй, потише, – сказал Доктринус, улыбаясь. – Все хорошо. Это просто Гастон.

– А?..

Негодующе переводя дыхание, альбинос понял, что тварь не превосходит размером крупную крысу. Смущенному Краулеру стало чрезвычайно стыдно своего испуга – вполне адекватной, впрочем, реакции. Немного успокоившись, он обратил внимание на детали. Существо, сидящее на руках у Доктринуса, было вовсе не крысой и не птицей, как Леонарду показалось вначале.

Затем он решил, что это маленькая обезьянка, игрунок или капуцин, но вновь промахнулся. Тварь не имела волосяного покрова: тонкие ручки, ножки, субтильное туловище. В хитрой заостренной мордочке проступало что-то собачье.

Создание являлось миниатюрным подобием человека. Если точнее – вампира. А еще точнее – Доктринуса. Крохотное личико неуловимо напоминало очкарика. Не чертами, а, скорее выражением, хотя и в чертах имелось отдаленное сходство. Печать порока, едва разместившись на скудной площади, темнела несмываемыми чернилами. Существо казалось ангелочком, лишенным крыльев, и обожженным смертными грехами. Эдакий бесенок системы «mobile».

– Что ЭТО? – выдохнул альбинос, смутно вспоминая, что недавно уже задавал тот же вопрос.

– Говорю ведь – Гастон, – невозмутимо ответил Доктринус, почесывая тварь за ушком, отчего та тихо урчала. – Гомункул. Он живет тут, в лаборатории.

– Гомункул? – Краулер воззрился на существо, именуемое Гастоном. – Но КАК?..

– Я его создал, – терпеливо разъяснил очкарик. – По старинным алхимическим рецептам, и с использованием – не в средневековье, чай, живем, – кое-какого hi-tech. Отличный, скажу тебе, помощник. Смышлен, проворен, неприхотлив к еде и условиям. Подумываю вот написать руководство «Гомункулус – своими руками». Домохозяйки будут просто в восторге, как считаешь?..

Леонард пожал плечами. Теперь он что-то припоминал. Гомункулы, да. Процесс их получения был весьма специфическим. Но о том, что этим промышляли не где-нибудь, а в обители Клана, альбинос даже не догадывался.

– И что этот... Гастон делает в Цитадели?..

– Я же сказал, что СОЗДАЛ его. Пару месяцев назад – из собственных волос, крови, слюны и...

– Стоп, достаточно. – Краулер поднял руку. Менее всего ему хотелось знать, из чего ЕЩЕ изготовлен Гастон. Домохозяйкам придется повозиться с одним ингредиентом, доказывая мужьям, как гомункулы способствуют ведению домашнего хозяйства.

– Я велел тебе спрятаться, – поглядев на питомца, укоризненно сказал Доктринус. И, подняв голову, продолжил: – Он сильно привязался ко мне. В свое время я не спросил дозволения у мастера, поскольку не был уверен, что эксперимент удастся. Теперь жду подходящего случая, чтобы показать шефу. – Очкарик нежно погладил Гастона. – Не мог бы ты никому не говорить?..

Леонард собрался было ответить, что, как примерный член Клана, не станет потворствовать глупым выходкам, и немедленно доложит начальству, но в последний момент опом-

нился. Похоже, не только гомункулус испытывает привязанность к своему создателю, но тот отвечает творению тем же. При известном умении этим можно воспользоваться. Доктринус собственноручно передал альбиносу средство воздействия на свою несговорчивую персону.

– Ну, ладно, – будто в сомнении, протянул Краулер. – Постараюсь тебе помочь.

– Спасибо. В свою очередь, буду рад оказать тебе любую помощь.

– Ну что ты. Мы ведь одна большая семья, – сказал Лео, подразумевая «конечно, куда ты денешься...».

Гомункул сорвался с ладоней Доктринуса, и с прытью, каковой было трудно ожидать от его рахитичных конечностей, перепрыгнул на ближайший стеллаж. Там он злобно оскаллился – зубки оказались острые и мелкие, как шестеренка из часового механизма, – и показал альбиносу средний палец.

Очкарик сделал вид, что не заметил выходки своего питомца (ведь в этом случае пришлось бы извиняться за пробелы в воспитании), а Краулеру не по его нынешнему статусу было обижаться на гомункулуса, сделанного неизвестно из чего.

– На чем мы остановились?.. Ты рассказывал о существе, убившем Титуса.

– Точно, – кивнул Доктринус. – Видишь ли, из Титуса не просто высосали кровь, как мог бы вампир. Вернее, не одну лишь ее, но и прочие жидкости, содержащиеся в организме. Лимфа, желчь, желудочный сок... Ну, и остальное. («Из чего можно было бы сострять массу чудных гомункулов, – добавил про себя Леонард, – избавив домохозяек от головной боли».) Абсолютно все, до последнего грамма. Выжали, будто лимон, оставив высушенную кожуру... Это редкое умение, и его обладатели принадлежат к одной-единственной расе. Пустотники.

Альбинос наморщил лоб:

– Пустотники?.. Я думал, это сказки, которыми пугают непослушных вампирят.

– Не ты один, – усмехнулся очкарик. – Наши предки слишком долго и упорно убеждали потомков, а заодно и себя, что это действительно выдумки. Я не склонен их винить. Они старались забыть прошлое, как страшный сон, и никогда к нему не возвращаться. Забыть те незапамятные, поистине доисторические времена, когда Землю, помимо кроманьонцев и вампиров, населяли другие, непохожие расы. Одни исчезли бесследно, сами по себе, другие – в следствие каких-то катаклизмов, ну а третьи желали доминировать. Стать господствующим видом. Вампиры и Пустотники относились к последним.

Краулер заморожено слушал. Доктринус вещал о событиях, что относились скорее к области мифов. Трудно поверить, что сейчас, в эру компьютеров и информации, вернулось это забытое, подвергнутое анафеме прошлое.

Но «кожура», лежащая на столе, говорила сама за себя.

– Наша раса и Пустотники вели непримиримую, долгую и кровопролитную борьбу, – продолжал «секретный отдел». – Сцепились, словно псы, не на жизнь, а на смерть. Исходом войны могло быть только исчезновение одной из сторон – как биологического вида. Или мы, или они. – Очкарик подошел к стене, и, дернув за шнурок, развернул плакат. – Вглядишься в лицо врага.

И Леонард вгляделся. Отчасти он ожидал чего-то подобного. Чего-то неприглядного, звериного. Ожидания оправдались – с тем лишь отличием, что персонаж, изображенный на плакате, в большей степени относился не к млекопитающим, а к... рептилиям. По крайней мере, внешне. Признаки, как говорится, налицо. Чешуя, покрывающая жилистое тело; мощные лапы с когтями; морда с крокодильей пастью. Завершал картину длинный хвост.казалось, художник (каковым, по-видимому, являлся Доктринус – Человек эпохи Возрождения местного масштаба), не в силах обуздать разыгравшуюся фантазию, изобразил огромную ящерицу, подражающую прямоходящим видам: стоящую на задних лапах и поддерживающую себя хвостом. А если точнее...

– Похож на Мистера Ящерицу из мультфильма о Человеке-Пауке, – не долго думая, брякнул альбинос.

Гомункул хихикнул. Доктринус неумело скрыл улыбку:

– Да, сходство есть. Но Ящерица, как и Человек-Паук, гроша ломаного не стоят против Пустотника. Он в один присест сожрал бы обоих, а Бэтмена оставил на десерт.

От этих слов Краулеру стало немного не по себе. «Расследовать, отыскать, покарать». «Уполномоченный» также являлся супергероем хоть куда. Однако, его сверхъестественная сила заключалась в ламинированной «Подателю сего», и распространялась, преимущественно, на здравомыслящих вампиров.

Мистеру Ящерице было бы плевать на бумажку.

– Ну, пасть-то у него будь здоров, – кивнул Леонард. – Вот только я не понимаю, как ему удалось превратить Титуса в гербарий, не повредив при этом кожу. Даже нам приходится проделывать отверстия, прежде чем добраться до крови.

«Уговаривая порой, что ранки будут крохотными, и процедура пройдет безболезненно».

– Сейчас к тебе повернута одна сторона медали. Одно из обличий любого Пустотника. – Очкарик взял с полки указку. – В этом отталкивающем, непривычном, неприятном виде они проводят большую часть времени. Со всеми вытекающими последствиями. Клацают челюстями, зловеще шипят, шелестят чешуей, вращают желтыми глазами, стучат хвостами... – Доктринус тыкал указкой в соответствующие места «наглядного пособия». – В общем, пресмыкаются, как им и предназначено Судьбой. Судя по всему, в жилах Пустотников течет кровь динозавров, но нельзя исключать, что они – оккупанты из иных миров, каких-нибудь соседних измерений... «Войну миров» читал?.. Примерно это, только в грандиозном доисторическом антураже, пережили наши предки.

Альбинос честно попытался представить, как его вампирские прадеды дают прикурить инопланетным агрессорам, спасая от порабощения целую планету, но совершенно не преуспел в этом интеллектуальном упражнении.

Зато «секретный отдел» не на шутку увлекся. Краулер был вынужден кашлянуть.

– Да, – встрепенулся Доктринус, – когти и клыки – не главное оружие этих тварей. Пустотники также способны менять свой облик. В отличие от нас, они оборачиваются не крошечными безобидными мышками, а одним сплошным ужасом. Облаком теней и злобы, бестелесным, точно туман, но крайне опасным. Очевидно, в таком состоянии они практически неуязвимы, ибо нелегко причинить вред чему-то или кому-то, что лишено осязаемой плоти. Зато сами способны на многое. К примеру, высосать из жертвы все соки за какие-то секунды. – Указка ткнулась в сморщенное тело, лежащее на столе.

Леонард почувствовал, как у него на голове зашевелились волосы. Он даже в фильмах такого кошмара не видел. Киношные монстры, по крайней мере, имели хоть какую-то часть спецэффектов, куда бравый герой (героиня) могли всадить пулю. Огастус не упоминал ни о «эффекте тумана», ни о неуязвимости!..

Альбинос запоздало осознал, что его провели – самым бессовестным образом.

– КАК же предки одолели этих чудовищ?! – На секунду Краулеру показалось, что сейчас он очнется от какого-то забытья, а Доктринус, сорвав с лица маску, обнажит чешуйчатое рыло со словами «А они, знаешь ли, и не одолели...».

– Очень просто. Когда те спали.

– Спали?..

Обвинять вампирскую братию в коварстве и вероломстве – мягко говоря, наивно и бессмысленно. Однако, было несколько странно услышать, что «непримиримая, долгая и кровопролитная борьба» завершилась ТАК, а не иначе: изобретением особо изощренного

оружия массового поражения, победоносным сражением, приходом к власти либералов, или чем-нибудь еще.

– Спали. Дрыхли. Сопели в две дырки. – Очкарик торжественно поднял указку. – Эволюция – штука невнятная, куда более сложная, чем представлялось старине-Дарвину. Далеко не всем она идет на пользу... Пустотники не просто эволюционировали, как мы или люди. Эти ящеры мчались по эволюционной трассе так быстро и самонадеянно, что забыли свернуть там, где следовало. – Доктринус хлопнул ладонями, имитируя столкновение «лоб в лоб». – Усиление одного либо нескольких качеств закономерно приведет к ослаблению других: принцип одеяла, натягиваемого на голову. Пустотники стали слишком сильны благодаря своей жуткой способности, которая, собственно, дала имя их странной расе. Как следствие, они столь же ощутимо ослабили со стороны других параметров... В частности, им требовалось очень долго восстанавливать энергию, затраченную на «бестелесный режим», причем во время отдыха они были совершенно беспомощны. Наши праотцы не преминули этим воспользоваться. – Очкарик вновь кровожадно оскалил клыки. – Они выявляли гнездовища ящеров и подчистую вырезали обитателей. Пустотники проиграли эволюционную гонку, и были истреблены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.